

Дмитрий Трайнов

ИГРЫ ТЕНЕЙ

Партия начальная

Дмитрий Трайнов

Игры теней. Партия начальная

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73475213

SelfPub; 2026

Аннотация

"Никогда не разговаривайте с незнакомцами." Кто знает, куда Вас заведёт разговор. Не обещайте, не уточнив конкретно, что именно обещаете. Вдруг обещание придётся исполнять. Герард декларировал множественность миров, но не в астрономическом, или космогоническом смысле, а совсем в другом. Он утверждал, что все миры являются более или менее схожими отражениями друг друга. Он называл их тенями, или скорее Тенями. Причём каждое отражение, или тень....Когда мы читаем, мы открываем новый мир. Конечно, если автор сумел. Или наше воображение помогает дорисовать намеченную автором картину. Сумеет ли современник выжить став героем или персонажем? И, может, предпочтёт прожить жизнь там... где трудности иные, иногда непонятные, а иногда живые и куда более интересные чем проблемы офисного служащего. Что требуется чтобы вернуться, если тебя обманом увели в такой мир против воли...

Содержание

Пролог	4
Глава 1. НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ. О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР	24
Глава 2. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ. ОСНОВА ИГРЫ – АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ, ЕСЛИ ОНА ИЗВЕСТНА	50
Глава 3. ЛАББЕРТ МЕССЕ. СВОЙ СВОЯКА ВИДИТ...	79
Глава 4. ВЕММЕРСОН. МОЖНО ЛИ ОБМАНУТЬ ОТСУТСТВУЮЩИЕ ОЖИДАНИЯ?	105
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Дмитрий Трайнов

Игры теней.

Партия начальная

Пролог

Можно спорить с какого момента началась эта история, с разговора, имевшего место вечером в ресторане, или со спора, который привёл к злополучному походу в ресторан. Но совершенно очевидно, что если бы не ссора с партнёрами, после которой Пётр Всеволодович вылетел из дверей офиса, бормоча себе под нос: – «вот ведь два жадных обормота, а ещё и эта фря выискалась...», поход в одиночестве вечером в ресторан точно не случился бы, и всё что было потом, если и произошло бы, то не так и не тогда.

Но, наверное, лучше по порядку. Тогда будет понятнее, что послужило настоящей, глубинной причиной, а какие события явились лишь её видимой частью.

«Два жадных обормота» – это давние друзья, соратники по бизнесу и соучредители так называемого «клуба ветеранов».

Эту троицу свели вместе важные, можно сказать знаковые для каждого из них события. Но в эти секунды они отступили на второй план. К тому же по обрывочным и не слишком лицеприятным мыслям, мелькавшим в голове нашего героя, стройную картину сложить не удастся. А значит ограничимся только необходимым для понимания.

Прозвище «обормоты» означало Денис и Максим. А если точнее Максим Игоревич и Денис Петрович. Всё-таки все трое были солидными людьми. Вплотную подошедшие к годам, когда «пенсионный возраст» уже не за горами и активное участие в бизнесе стоит сменить на что-то более спокойное.

Связанные длительной дружбой друзья так и поступили и в недавнем прошлом отошли от дел создав «Клуб ветеранов».

Эта структура стала неким подобием современных «Рогов и копыт». Основной задачей являлось получить бюджетные деньги и передать их дальше реальным некоммерческим социальным организациям. Естественно, не даром. Часть удалось оставить себе, используя известные, хорошенько доработанные схемы.

Пришлось отдать на это известную долю помещений, но достаточно площадей сохранили за собой. Столько, сколько требовалось, чтобы чувствовать себя комфортно.

Появление клуба не означало, что собственная консалтинговая компания, которой руководили партнёры, и кормившая их до этого умерла. Просто основную часть работ передали на подряд. Остались только финансы и связь с заказчиками. Учёт и контроль, об этом ещё классики говорили, как о насущной необходимости.

Оба проекта вместе позволили учредителям решить вопрос персонала, собственной занятости и содержания офиса в центре Москвы, а заодно и ответственности, теперь всей «конструкцией» номинально управлял директор некоммерческой организации.

Друзья в свою очередь получили возможность три дня в неделю посвящать любимым занятиям. Охоте, боевым искусствам, Пётр, например, стал регулярно посещать фехтовальный зал. Отпала необходимость приходить на работу задолго до всех остальных, в общем появилось свободное время. Все трое называли это постепенным выходом на пенсию.

В оставшейся в пользовании владельцев части офиса сохранили библиотеку, три кабинета и малый зал совещаний, где теперь по большей части и проводили время, приходя в клуб все трое. Иногда играли в шахматы. Иногда читали, обсуждали текущие события и часто вспоминали былые дни и спорили что было бы, если они тогда поступили бы не так, как поступили. Тогда – это в девяностые годы.

Обсуждения не касались оценок того, что произошло, в

этом вопросе все были едины. Просто у каждого была собственная череда поступков, свой уровень информированности и несхожий угол зрения. А значит, они по-разному оценивали и причины, и следствия. Всё-таки они «работали» в отличных друг от друга местах, имели неодинаковое образование, и во многом по-иному оценивали то, что было, и то, к чему пришли сейчас.

Вообще-то настроения друзей многих бы удивили, если бы те ими с кем-то поделились. И до девяностых, и сейчас они не нуждались, а были вполне благополучны. Но, тем не менее они были недовольны случившимися переменами, и тем, к чему всё пришло.

Именно эти настроения и привели к последнему скандалу. Денис и Максим подготовились к участию в очередном конкурсе на сравнительно большую сумму бюджетных средств, и предложили Петру одобрить работу. На то, что победитель должен провести мероприятия, приуроченные к годовщине «независимости России» они просто не обратили внимания, а Пётр обратил.

Если бы Пётр спокойно или со смехом указал друзьям на «промах», всё решилось бы за пару минут. Но все трое были «люди с характером». И с годами ни у одного из них характер лучше не становился. Естественно, отпор внешним вмешательствам, или необходимость совместных действий моментально спланивали друзья, но последние полгода жизнь была расслабленной и спокойной. И значит мелкие шерохо-

ватости входили на первый план.

Холодный и рассудительный с чужими, среди своих Пётр мог иногда выйти из себя и сказать что-нибудь обидное. Обычно для друзей эти вспышки и ядовитые замечания то одного, то другого служили разрядкой. Мирились они чаще всего довольно быстро, но не сразу. День – другой, если не намечалось ничего важного для всех, можно было полелеять обидки дожидаясь извинений.

На обвинения в жадности и беспринципности последовал ответ о чистоплуистве, слово за слово и Пётр Всеволодович, хлопнув бронированной дверью, выскочил из прохлады кондиционированного помещения, на яркое весеннее солнце. В Москве была весна. Уже вполне определившаяся весна, когда в середине дня серьёзно припекает, и даже в костюме чувствуешь себя не слишком комфортно. Шагая по тротуару вдоль привычного в Москве уже медленного, но ещё целеустремлённого потока машин, Пётр обдумывал случившийся неприятный диалог с Максимом и Денисом, который за несколько минут до этого обрезал хлопок двери. Глупо, не стоило так, он даже поморщился. Но каковы обормоты, а ещё и эта. Он уже покидал контору. Захлопнул дверь кабинета, и направлялся ко входной. Именно там в коридоре, не оставиваясь, он обменялся парой слов с «этой фрэй», неожиданно попавшейся навстречу.

«Этой фрэй» была Ольга, в описываемый момент управ-

ляющая и тот самый директор, на которого партнёры свалили почти все формальности бизнеса, включая руководство «клубом ветеранов». Впрочем, с учредителями и хозяевами компании её связывала не только работа.

Но именно сегодня, когда Пётр Всеволодович, на выходе из конторы спросил Ольгу, сходит ли она сегодня вечером с ним в ресторан, та отказалась. Вероятно, слышала, как они между собой ругались. Поэтому извинилась и сказала, что не может.

По некоторым причинам она подчёркнуто придерживалась нейтралитета если друзья ссорились. В такие дни, пока конфликт не будет исчерпан, она не встречалась ни с кем из них вне офиса. И вообще сводила общение исключительно к работе. Товарищи часто подтрунивали над ней за это, но уважали её позицию.

В промежутке между скандалом в клубе, и беседой в ресторане тоже были события, но они были мелкими, не важными и не интересными. И ничуть не дающими возможности расслабиться и прийти в себя. Вероятно, пройди между этими двумя эпизодами немного больше времени, всё сложилось бы иначе. Но судьба рассудила именно так.

А потому стоит сразу перейти к поворотной точке, к тому последнему камушку, который стронул всю лавину, или послужил стрелкой, направившей всю последующую череду

событий по определённому пути. Разговору, который поначалу показался Петру Всеволодовичу, тогда ещё Петру Всеволодовичу, случайным.

«Джонджоли» популярный ресторан в вечер пятницы был полон. Поэтому, когда в какой-то момент к Петру Всеволодовичу подошла официантка, и спросила не будет ли он возражать, если она посадит за его столик ещё одного человека, он согласился. Возможно, он в тайне надеялся на то, что вечер станет интереснее. Иногда беседы со случайными незнакомыми людьми оказываются острее и откровеннее чем с теми, с кем ты уже притёрся, привносят что-то новое, не всегда, но бывает.

Случайный сосед представился Герардом, хотя по-русски говорил чисто, более того, не путался в смыслах, и даже слушая собеседника не споткнулся на анекдоте про золотую рыбку. Иностранцам чаще всего приходится объяснять, что смешного в ответе: – «у тебя всё было» на высказанное желание: – «хочу, чтобы у меня было всё». Герард же легко и открыто рассмеялся.

Выглядел он несколько вычурно. Всё-таки «Джонджоли» не тот ресторан, куда приходят в дорогих костюмах – тройках и галстуках с заколками. Но костюм сидел отменно, и немного, что резануло взгляд, были ковбойские сапоги и множество перстней. Немного аляповато, подумалось Петру Всеволодовичу. Коротко стриженные тёмные волосы. Прямой

взгляд карих глаз. Чуть необычно, но такого человека вполне можно встретить в мегаполисе.

И всё-таки он был нездешним, текущие проблемы Москвы его не интересовали совсем. А вот общие идеи – политика, интернет, изменение интересов людей в последние несколько десятков лет, здесь, он чувствовал себя как рыба в воде. Участвовал в обмене мнениями, и, хотя больше слушал, иногда вдруг задавал созвучные Петру Всеволодовичу вопросы. Немудрено, что в какой-то момент, речь зашла о девяностых. И здесь, пожалуй, впервые разговор перестал быть обычным. В ответ на любимую сентенцию Петра о том, что если бы люди могли увидеть к чему приведут их настроения и действия, а точнее бездействие тогда, они в то время поступали бы иначе, Герард вдруг глянул остро, после чего положил вилку и нож рядом с тарелкой и опять поднял глаза на собеседника.

– А ведь хочется переиграть? А было бы лучше, если бы случилось иначе?

– Назад не вернёшься, и даже если бы машина времени была, то достаточное количество экскурсий не организовать. Один человек не решает. Да и параллельный опыт – это не о жизни общества. – Пётр привычно сдал назад, совсем откровенно такие вещи обсуждались в основном среди своих, клубных.

– Да, возможно, здесь и нельзя. А если бы была возможность? Если бы Вы, вот лично Вы могли попробовать повли-

ять и проверить? Я говорю о реальной возможности. Хотя сформулирую точнее. Вы лично, готовы были бы повлиять, на изменение истории? Уверены ли Вы, что так было бы правильнее? И именно Вам удастся выбрать удачный вариант развития? – Герард теперь смотрел с неподдельным интересом.

А Пётр Всеволодович вспомнил множество книг по альтернативной истории, часть из которых он даже читал. А ещё исторические реконструкции, и даже курс философии, который умудрился проходить несколько раз в разных ВУЗах и в разное время. Ответов было так много и настолько разных, и даже противоречивых, что он был в замешательстве с чего начать. Вопрос собеседника требовал или отдельного детального обсуждения, или какой-нибудь незначашей фразы.

– Даже если предположить, что один человек...

Но Герард вдруг поднял руку, останавливая его.

– Прошу меня простить, в моей формулировке Вы не сможете дать ответ, который интересен мне. А как Вы относитесь к литературе, я имею в виду художественную, естественно? Вам нравится фэнтези?

И снова вопрос был слишком общим. Если рассказывать об изменении отношения к книгам и авторам в последние годы, будет долго, придётся приводить примеры. Объяснять, что фабула, герои, и детали повествования по отдельности могут быть интересны, но в целом могут сложиться, а могут и нет. А если коротко, то это просто закроет, возможно ин-

интересную тему.

– Простите, Герард, но вопрос слишком э... неконкретный и расплывчатый. Но если коротко, то да, я читаю, и даже иногда могу увлечься, а если...

– А поверить? Поверить автору можете? Хотя, пожалуй, Вы правы, всё очень и очень зависит от автора, – собеседник покивал, и задумался сам.

Петр Всеволодович подумал, что разговор как-то неуютно изменился, вроде бы короткие реплики рожают у каждого из собеседников гораздо больше мыслей, чем свойственно таким необязательным и случайным застольным беседам. Он взглянул на собеседника, и то ли игра света, то ли разбухшие упоминаниями об авторах аналогии вдруг напомнили великую книгу великого автора, написанную, когда ещё и самого названия жанра критики ещё не придумали, и машинально произнёс.

– А-а-а, «Аннушка уже разлила масло».

– Да полноте, – ответил Герард, оторвавшись от своих мыслей, – и символизм такого уровня теперь сложен для чтения, да и аналогия хотя и лестна для меня, но, пожалуй, не верна. Не говоря уже о вере во всемогущество случайности, или судьбы. Такое совсем не современно.

Герард побарабанил пальцами по столу, как будто решаясь на что-то.

– Вы абсолютно правы в Ваших подозрениях, наша встреча не случайна. И, к сожалению, я не могу сказать Вам всего.

Не только потому, что хочу что-то утаить, а в большей степени оттого, что Вы просто, не поверите, во всё.

Пётр заметил, что в речи Герарда прорезались какие-то архаичные обороты. Это упоминание о Булгакове так подействовало, или они были и раньше, просто он не обращал внимания?

— Я расскажу вам то небольшое, что могу быстро показать и доказать. То, что Вы сможете посчитать истинным, или хотя бы вероятным. А потом сделаю предложение. Будем считать, что мне было скучно, и Вы сумели меня заинтересовать. Предложение Вас ни к чему не обязывает, но, если Вы согласитесь, отказаться потом будет невозможно, э... просто потому, что таковы правила, и это придётся принять на веру, пока на веру.

«Неужели всё так банально? Какой-то менеджер, или страховой агент. Да нет, не похож, уж слишком солидно выглядит, да и времени на предварительные разговоры ушло...» — закончить мысль Пётр не успел. Герард начал рассказывать. Немного суховато и отрывочно, как будто действительно на ходу выбирал, что стоит говорить, а что нет. Сначала Пётр воспринял рассказ как некую концепцию фэнтези, средней проработанности, с пробелами и некоторыми несостыковками. Но когда начал задавать вопросы наткнулся на улыбку Герарда и вновь повторенную фразу, что полная картина не может быть показана и доказана на данном этапе, а значит и не нужна.

Герард декларировал множественность миров, но не в астрономическом, или космогоническом смысле, а совсем в другом. Он утверждал, что все миры являются более или менее схожими отражениями друг друга. Он называл их тенями, или скорее Тенями. Причём каждое отражение, или тень были изначально образами, созданными чьим-то воображением. Именно тогда прозвучал термин «Талант» – это творец, сумевший описать мир, в который можно поверить. Именно тогда он вернулся к вопросу, который задал раньше, о возможности поверить в описанный кем-то мир. По мнению Герарда, мир Тени совсем не обязательно должен был быть похож на основной. Творцы, или таланты, второе вернее, ведь Талант создаёт канву, в которую верят и развивают её другие люди. Тогда как творец должен создать реальность.

Здесь опять он вернулся назад и сказал, что таланту и его творению необязательно быть публично известным. Тень, созданная воображением одного человека, способна быть настолько яркой, что захватит этого человека. Притянет его сущность так, что он уйдёт в эту придуманную реальность полностью и даст ей жизнь, но так бывает редко.

Вторым шагом в материализации Тени, таким образом служит возможность людей, хотя Герард говорил не о людях, а о разумных поверить в реальность этого мира, и, хотя бы на время уходить в него, сливаться с ним. То есть верить настолько, что пытаться продолжить жизнь персонажей и мысленно создавать новых, а лучше примеривать на себя

их жизнь.

Вот здесь Пётр засомневался. Уйти в вымышленный мир настолько, чтобы он стал для тебя реальностью, а свой собственный был потерян? Это невозможно. Да и заметили бы окружающие такие случаи. Но Герард только улыбнулся. Есть множество людей, для которых реальность собственно-го мира тягостна, и по-настоящему живыми они чувствуют себя только проживая жизнь персонажей, а обыденность вокруг – это как они считают почти не о них. Но и абсолютный уход, хотя и случается реже, всё-таки бывает. И можно вполне наткнуться на человека, от которого в этом мире не осталось эмоций, а только функция, такая же блёклая как третьестепенный персонаж какой-нибудь книги.

Но это, как сказал Герард уже и неважно, если Тень получила жизнь, то она живёт и развивается сама, в ней рождаются и проживают жизнь новые разумные, которые поддерживают её существование, усложняют и укрепляют её. А если в ней родится талант, то она в свою очередь станет основным миром, который породит новую Тень.

Петру картина показалась несколько натянутой, но если вспомнить курс философии, то, пожалуй, солипсизм, о котором на полном серьёзе рассуждают учёные мужи с профессорских кафедр должен бы быть ещё менее реален, но ведь есть. Пожалуй, с таким видением мира можно и согласиться, ведь никаких чисто физических, объективных законов он не затрагивает.

Но как только Пётр кивнул, собеседник начал развивать своё видение мира дальше. Оказывается есть люди – «живущие в тених», которые могут перемещаться из одной такой реальности в другую физически. То есть не сливаясь с тем, что было создано другими и не встраиваясь в общую картину, а взаимодействуя с ней. И даже, в некотором смысле меняя её. Они чётко осознают, что они даже взаимодействуя с таким миром не являются его частью, а как бы сами по себе. Впрочем, здесь всё не так просто. Если ослабнет воля и осознание самого себя, то такой ходящий не сможет больше покинуть Тень и останется в ней.

Пётр ухватился за оговорку и попытался развить её, задавая вопросы. Но Герард отмахнулся и сказал, что для понимания разницы между этими терминами, простых объяснений будет недостаточно, да и не важна эта разница на данном этапе.

Это прозвучало диссонансом в разговоре и вернуло Петра Всеволодовича к реальности. Он посмотрел на стол. Каждый доел заказанное. Заканчивалась вторая бутылка «Ахашени». И несмотря на то, что разговор в какой-то момент даже захватил, пора было заканчивать. Совсем уж грубо ставить точку в разговоре было неудобно, такому завершению нужен повод, а повода открытого не было. Да и «Ахашени» создавало благодушный настрой. К тому же у него сложилось внутреннее убеждение, что такой разговор никуда не способен привести. Как концепция изложенное собеседником до-

пустимо, но объективная реальность – это не размышления, это данность. А ещё стоит добавить чуть-чуть иронии.

– Хорошо, Герард, допустим, я верю Вам. Тогда исходя из того, с чего мы начинали, Вы должны сейчас предложить мне переиграть девяностые. Да? Но тогда мы вернёмся к началу разговора, и я повторю, что один человек ничего не решает. А кроме того, я прочитал достаточно альтернативных...

– Нет, нет, Пётр. Эта Тень, этот мир он Ваш, а не мой...
– Герард на минуту задумался, а потом тряхнул головой, – нет, совсем не мой, и мне не интересен. Абсолютно.

– Тогда о каком предложении с Вашей стороны идёт речь? В самом начале Вы говорили о предложении. Если просто поверить, то я поверил, – в голосе Петра Всеволодовича прорезалось торжество, не сильно, так чтобы не обидеть, но всё-таки.

– Я предлагаю Вам сыграть партию в чужом мире, точнее в другой Тени. Не матч, не полноценную игру, а только одну партию.

– Герард, извините, во-первых, я не понимаю, чем партия отличается от игры или матча в Вашем понимании, а во-вторых, зачем мне чужой мир, чтобы это не значило? И в чём заключается сама игра? – теперь раздражение Петра было явным.

Он был раздражён даже не на собеседника, а на себя. Вроде всё, выкрутился, ан нет. Пётр Всеволодович помахал рукой подзывая официантку, пора заканчивать этот, с позво-

ления сказать, разговор.

– У Вас есть шансы стать ходящим в тених, если Вам удастся в течение некоторого времени остаться собой в другой Тени. А я могу Вас научить. Это то, что можете получить Вы, Пётр в случае победы в партии, в короткой игре.

– То есть, я смогу... по-вашему я смогу переиграть... – сунув карточку в терминал и набрав пин код, Петр опять вернулся к собеседнику.

– Нет, этого я не говорил, но и такая вероятность допустима. Не для меня, конечно же. А Вы, кто знает. Но я не обещаю невозможного. Только умение, если оно для Вас достижимо. А уж как Вы его используете – это Ваше дело.

– «Да он со мной играет, как рыбу водит!» – пронеслось в голове Петра, – «только бесплатных призов в лотерее нет, уж я-то знаю. А ещё он абсолютно серьёзен и уверен в себе. Почему? Ведь он говорит о невозможном. И настолько самоуверен, что даже тошно. И если я знаю, что это невозможно, то почему не пойти до конца и не увидеть, как у него ничего не получится».

– А Вам это зачем, Герард? Я не верю в подарки незнакомцев. А ещё Вы говорили, что можете что-то доказать. Продемонстрировать мне так, что я пойму. – раздражение теперь искало выхода, и фраза прозвучала даже резче, чем хотелось бы.

– Показать? Да, но в этом есть смысл только в том случае, если Вы действительно верите и соглашаетесь сыграть. Ина-

че, мы просто расстаёмся, и Вы остаётесь с убеждением, что встретили в ресторане тихого сумасшедшего, – теперь и Герард, похоже уловивший раздражение собеседника, не скрывал, что просто подначивает его.

– Сколько это займёт времени?

– Я думаю, что Вы поверите в то, что я говорю правду, в течение нескольких часов. А партия... я думаю пару недель.

Ну да, через пару часов, и этот хлыщ признается, что у него не получилось, и предложит попробовать в другой раз. Почему Петру вдруг так захотелось чтобы собеседник опростоволосился, он и сам не понимал. Вероятно, так подействовал трюк с девяностыми. Или ситуация, где он оказался ведомым в дискуссии, чего не случалось уже давно. Он даже готов был сразу начать проверку, но всё-таки многие годы работы с документами заставили его уточнить хоть что-то.

– Хорошо, Герард, я согласен сыграть. Давайте оговорим все условия и начнём. – и только выговорив эту фразу, он понял, что его всё-таки провели, поймали на слабо.

Герард встал, положил на стол пятитысячную бумажку, подумал, мечтательно улыбнулся, и добавил ещё одну.

– Не жалко, пойдёте, Пётр, – он приглашающе махнул рукой, и пошёл к выходу из ресторана.

Они вышли из ресторана и пошли направо в сторону метро. Машины, как и днём продолжали двигаться по проезжей части так же целеустремлённо и неторопливо. Может только

направление поменялось. Яркие рекламы и фонари, конечно же не делали ночь днём, но ярко освещали всё, даже неровности пресловутой тротуарной плитки. Пётр Всеволодович привычно подумал, что город не спит, в такие дни город ложится, когда в других местах уже пора вставать.

Неторопливое течение мыслей нарушило то, что, не дойдя до станции, Герард свернул в проход двора, заполненный тенями. Петр от неожиданности замешкался.

– Не отставайте, неровен час, потеряетесь, – голос Герарда прозвучал насмешливо.

Пётр поймал себя на мысли, что тени ведут себя очень странно. С освещённой улицы падал свет, и их с Герардом тени должны были быть перед ними, но теней не было. Пётр оглянулся, но и сзади они тоже не отбрасывали тени. Зато тени во дворе с каждым шагом сгущались, а одна, к которой свернул направо Герард, на глазах уплотнилась, а потом раздалась в стороны открывая проход. Проход, которого Пётр, ходивший по этому двору много лет, вспомнить не смог.

Герард шагнул шире, и Петру пришлось догонять его почти бегом. Смотреть по сторонам стало некогда. Герард, казалось, шёл всё быстрее, иногда внезапно сворачивал, и тогда в ощущаемой до этого нерушимой стене перед ними, прячущейся в очередной тени, открывался проход. Несколько раз тени переставали напоминать городские. Перед Петром среди вроде бы кирпичных, или каменных стен, вдруг оказывались тени похожие на тени деревьев.

Пётр заметил, что Герард не наступает на лежащие перед ним тени, а поворачивает каждый раз перед ними. Он попытался осмотреться, и мгновенная потеря концентрации на спутнике сыграла с ним шутку, он не успел повернуть и наступил в одну из теней.

– Осторожнее, ласки теней обманчивы, кто знает, что они принесут или заберут.

– А что может случиться? Вы не предупреждали меня об этом.

– Пойдёмте, Пётр, если бы что-то случилось, оно бы уже случилось, – собеседник явно не хотел говорить больше, чем уже сказал.

– Но...

– Пойдёмте, Вы хотели доказательств. И старайтесь не наступать в тени. Теперь я Вам сказал.

Пётр шагнул из тени к Герарду. Тень как живая потянулась за его ногой, а потом вернулась на место. Если у него не галлюцинации, то в присутствии Герарда тени действительно ведут себя странно. Но это ещё ничего не доказывает, они никуда не пришли.

Пётр опять сконцентрировался на том, как двигается Герард, и они пошли дальше. Чувство времени подводило, казалось, что они идут уже несколько часов, и он должен был бы хоть немного устать, но пока не устал. Теперь он не решался смотреть по сторонам, но то, что он замечал под ногами не всегда походило на обычные тени зданий, которые

можно увидеть в городе.

– Вот и пришли, – Герард опять шагнул куда-то вбок в сторону тени, напоминающей дерево.

Глава 1. НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ. О ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Последний шаг вывел Петра и его спутника, правда кто из них являлся спутником можно поспорить, на укатанный просёлок. Они как будто шагнули из тени леса в наступающее утро.

«Какой лес? Какая дорога?» – вот первая мысль, которая заняла всё внимание. Так случается, когда мозг отказывается воспринимать что-то, что ты видишь, и цепляется за нечто привычное. Лес был привычным. И первая мысль оказалась – «ходили до утра и пришли в какой-то парк, вот уже и утро наступило».

Пётр привычно поднял глаза, в Москве невозможно такое, чтобы, оказавшись даже в Сокольниках или Лосином и подняв глаза над деревьями, ты не увидел признаков мегаполиса. Дома, телебашня, что-нибудь обязательно присутствует. А ещё дорога. Даже на самой дальней и узкой тропинке любого парка неизбежно присутствие следов человека. Современный же горожанин оставляет после себя обломки кирпича, асфальта, бетона, окурки. Здесь городом и не пахло. Отпечатки колёс телеги и копыт наводили на мысль, что современность этой «проезжей части» абсолютно чужда.

Мгновенно и другие странности разом бросились в глаза. На спутнике Петра больше не было костюма тройки, галстука. И забавные ковбойские сапоги тоже преобразились. Герард выглядел как дворянин на поздних иллюстрациях книг о французском дворянстве. Не совсем так, как было бы правильно, Пётр как-то залез в книгу по истории костюма, и выяснилось, что иллюстраторы, да и сами авторы достаточно вольно описывают тогдашние элементы одежды. Здесь было именно такое смешение французского итальянского и немецкого стилей разных веков. Серая рубашка, поверх которой одет кожаный жилет. Брюки узкие, но не чулки и не трико, обычные чёрные брюки и сапоги с острыми, но привычной длины носами. На плечах был плащ с пелериной. Вроде без излишеств, но простота не оставляла сомнений, что все вещи качественные и дорогие. В жабо рубашки виден крупный красный камень, жилет вышит серебряной нитью.

– Как это, Герард? – Пётр вытянул руку, и вместо того, чтобы закончить вопрос, уставился на рукав собственной одежды.

– Да бросьте, Пётр, естественно, Тень изменила вашу одежду. Было бы смешно, если Вы попытались бы ходить здесь в Ваших джинсах, пиджаке, ну, Вы понимаете. Кстати, заметьте, Тени вы нравитесь. На Вас костюм зажиточного горожанина, а не какого-нибудь работяги, что вполне могло бы получиться из джинсов.

– То есть это была не шутка?

– Помилуйте, какие шутки, фигуры расставлены и уже начали ходы, а скоро Ваш ход. Партия уже началась. Да, как мы и обсуждали, не слишком важная, короткая, но партия. А у этих игр только два исхода. Но я дам Вам фору... можете сами выбрать сторону.

– Но как..., а как я пойму результат? И... да, и с чего начинать?

– Не беспокойтесь, в конце я Вас найду. Конечно, если Вы останетесь в живых, риск неотъемлемая часть, Вы и сами помните. А начинать..., пожалуй, если вы пойдёте туда, дебют будет короче и острее, – он указал рукой, на которой блеснул крупным светлым камнем перстень, на дорогу вправо от себя, – а мне пора. Надеюсь, до встречи, Пётр.

– Пойдите, Герард, а язык? Как я пойму местных?

– Пётр, Вы в чём-то чудесно наивны. Неужели Вы смогли бы постигнуть всю увлекательность мира, созданного Талантом, если бы не понимали его языка? Или хотя бы перевода? Тут и минимальное взаимодействие с Тенью сомнительно. Даже если исходить из того, что Вас своей силой в эту тень привёл я, мы же воспринимали слова друг друга. Улавливали смысл. Это значит, что общие языковые корни должны быть. Тень обязательно даст Вам знание хотя бы одного языка, принятого в той местности, где Вы вышли. Если вы говорите на нескольких, то будете в более выгодном положении. А сейчас мне, действительно, необходимо покинуть Вас.

Герард зашагал в сторону от дороги и растворился в тенях

деревьев. Пётр остался один, раздумывая уже пора впадать в панику, от того, что он один в незнакомом мире, или стоит ещё как-то убедиться, что всё это не мистификация.

Про панику, это так, к слову. Большинство героев фэнтези в тех книгах, которые ему довелось читать, делились на две категории. Первая действовали так, как будто для них оказаться в ином мире привычно и естественно. Причём то, что они оказались в новом, осознавалось ими чаще всего интуитивно. Вторая же первые минуты паниковала, а потом успокаивалась и в ближайшее время становилась богами, на худой конец всемогущими магами.

Пётр хлопал себя руками, в карманах, когда они выходили из ресторана были бумажник, смартфон, ключи и немного бумажных денег. Ещё мелочь в кармане джинсов. Не то чтобы что-то из этого было так уж необходимо на просёлке в лесу, но вдруг на смартфоне в наличии значок сети, и тогда можно будет понять... Хотя, сомнительно, если Герарду каким-то образом удалось в процессе прогулки его переодеть, то смартфона скорее всего не окажется, как возможно и всего остального.

Изменения в одежде, пока что, казались ему самым загадочным моментом в происшедшем. Правда если быть скептиком до конца, то стройную версию, включающую галлюциноген в бокале, он мог построить без труда. Вот только цель всего приключившегося с ним была неясна. Как-то за-

тея Герарда слишком сложна и затратна, чтобы в конце торжествующе удалиться в лес. Даже кредитные карты вместе со смартфоном не покроют расходов.

Мысль об отсутствии вещей пришла почти сразу просто потому, что в одежде не имелось карманов. Правда на поясе висел какая-то кожаная конструкция, похожая то ли на сумку, то ли на кошель. До этой детали одежды он, читая о средневековых костюмах, не добрался. И там, в этом кошелье, что-то нащупывалось.

Копаться в поясной сумке непонятной конструкции с завязками и ремешками, возможно и удобно, если ты привык. Пётр такой практики не имел. Смартфон не прощупывался точно, а ещё что-то хрустело, когда он попытался определить содержимое сквозь кожу кошеля. Осмотревшись вокруг, места куда можно присесть и высыпать содержимое он не обнаружил. Ну не любил он сидеть на траве ещё с детства. Зелёные следы травы выводились с одежды плохо, а хорошие вещи родители требовали беречь. Садиться на дорогу тоже не хотелось, щёголем Пётр не был, но глинистая красноватая местами высохшая до превращения в пыль дорога не привлекала. Скорее всего, если идти по дороге где-нибудь найдётся место, где будет удобнее.

Можно было зайти в лес и поискать упавшее дерево, или ещё что-то наподобие того. Но Пётр не хотел. Пока солнце не поднялось выше, между деревьями стояли тени. И Пётр честно признался себе, что ему требуется какое-то время,

чтобы заставить себя опять иметь дело с теньями. Пускай Герарда рядом уже нет, но осторожность не помешает. «Просто осторожность, да, и не больше», – прошептал он сам себе. Он решил немного пройтись по дороге, и найти более удобное место, а идти в ту сторону куда показал Герард.

Если не знаешь куда идти, то направление не важно, но если есть какой-то шанс, что Герард говорил правду, то стоит последовать его совету. Все эти рассуждения и обдумывания были не нужны. На самом деле Петру просто нужно было отвлечься от случившегося. Давно, ещё когда от только познакомился с Максимом, тот подтвердил открытое самим Петром на практике правило – если не требуются срочные действия, прежде чем принимать решения стоит отвлечься. После этого сконцентрироваться на задаче будет проще. О том же говорил и Денис, правда он формулировал это как какие-то правила медитаций, но идея была очевидна и незамысловата, для лучшей концентрации требуется предварительное расслабление.

Шагая по дороге, Пётр постарался выбросить из головы всё, что случилось и сконцентрировал внимание на встречающихся неровностях. А заодно изредка присматривался к окружающему лесу. Не то чтобы специально искал, но должны же быть какие-то съезды на стоянки, если трактом пользуются. Правда если дорога не очень длинная, то, возможно, он скорее выйдет к какому-нибудь селу или деревне. Тогда и информации будет больше, и на подходе к поселению

должны найтись какие-нибудь, как там, вырубки, расчистки. Это если Герард не обманул. В противном случае содержимое этого кошель он рассмотрит в ещё более удобных условиях, и совсем в других целях. Для того чтобы отыскать следы шутника. Пётр такие шутки не любил. И был уверен, что друзья помогут объяснить весельчаку насколько тот неправ.

Пётр прошагал почти час, и уже начал подумывать, что стоит без затей зайти в лес и найти упавшее дерево, когда справа показался просвет в деревьях. В разрыве стены деревьев виднелась поляна, где трава была выбита и утоптана, а к площадке был съезд. И даже две колеи на въезде просматривались, там, где дёрн местами был продавлен колёсами. Осматривать небольшое поле, скорее лужайку Пётр не стал, может Максиму бы следы что-нибудь и сказали, но сам он в лучшем случае видел, что это стоянка, и останавливалась здесь большая компания. Кострищ было два, и рядом с одним был довольно приличный вытоптанный прямоугольник, а рядом со вторым лежало очищенное от веток дерево. Подойдя ближе, он убедился, что дерево не хвойное. На этом исследование поляны завершилось. Играть в индейцев и следопытов Пётр не собирался.

Теперь, расположившись на дереве и сняв кошель вместе с поясом, тот оказался почти частью пояса, можно было углубиться в изучение его содержимого. Провести ревизию то ли оставшихся, то ли доставшихся ему вещей. Заодно, в процессе возни с завязками обнаружилось, что за большей по-

ясной сумкой прятался кисет, именно его завязки, Пётр с непривычки принял за крепление сумки. То, что это именно кисет, стало понятно по содержимому: табаку и небольшой трубке. И ещё там присутствовала какая-то металлическая пластина и камешек, завёрнутые в обгоревшую тряпочку.

Тряпочку он уже почти выбросил, но прикинув зачем всё это хранилось в кисете, рассмеялся. Смеялся он не от радости, что догадался, что это, а потому, что неделю назад в очередной раз бросил курить, а зажигалка и полупустая пачка до вчерашнего дня продолжали болтаться в боковом кармане пиджака. Но у удачной шутки Теней, или Герарда была и обратная сторона, теперь у него было чем разжечь огонь, если потребуется.

Решив, что бросить курить ещё раз, когда «шутка» закончится, он всегда успеет, Пётр набил трубку и закурил. Это отняло некоторое время, последний раз трубку он курил лет тридцать назад, а добывал таким способом огонь, вообще впервые.

Дальнейшие изыскания, уже в сумке дали ему два листа бумаги, оба с сургучными печатями, а один ещё и с водяными знаками и небольшой кошелёк – мешочек, в котором что-то звенело. Просмотрев бумаги, он опять улыбнулся, детализация «шутки» была на высоте. В одном письме достаточно тяжеловесными оборотами какой-то гильдейский купец рекомендовал некоего Петера как отличного приказчика, знающего, ответственного, дальше читать он не стал. А

второе письмо можно было рассматривать как гарантию, чек или вексель, получателем которого был Петер, сын Панкраца, именно тот Петер, которого рекомендовало предыдущее письмо.

Наверное, Пётр ещё раз бы посмеялся, потому что рекомендательное письмо и чек вполне могли быть аналогом бу-мажника, карточек и документов, но смех умер, когда из маленького кошелька на ладонь упал золотой, пятнадцать серебряных и десятков медяков.

Он не помнил сколько денег у него было с собой, да и не важен был курс, по которому ему «пересчитали» наличные. Просто, ради шутки чеканить золотые и серебряные монеты – это через чур. Деньги и возможность здесь не главное, просто среди его окружения за последние годы, никому не хватило бы фантазии на такое.

Он собрал содержимое сумки обратно, выколотил трубку о подошву туфли, или ботинка, больше похожего на мокасина, и ещё немного посидел, размышляя о том, что, скорее всего, Герарду придётся поверить, пока. До того момента, когда появится что-то новое, что качнёт весы в ту или другую сторону. Стараясь уложить письма так, чтобы не помять, Пётр нащупал ещё одну вещь, которая сначала показалась ему частью сумки, что-то вроде жёсткой перегородки между отделениями. Это был блокнот со вставленным между блоком и корешком карандашом. То, что карандаш свинцовый уже не удивило. Скорее поразил выбор функции, по-

хоже, единственной реализуемой функции смартфона в этой Тени.

Нужно было идти дальше, но после всех «открытий» накатила апатия. Сомнения и разочарования могут сказаться на любом человеке, даже на обычно решительном и сильном.

Через несколько минут Пётр тряхнул головой и встал. Несмотря на любовь к книгам, знаниям и работу, которая по большей части была связана с документами, компьютером и всем тем, что теперь ассоциируется с умственным трудом, он оставался человеком действия. Не всегда это действие требовало физических усилий, но в том, что рефлексии должны иметь границы, Пётр был уверен. Если сейчас нужно идти, то стоит идти, а не ждать. Выйдя на дорогу, он снова зашагал в направлении, указанном Гербертом.

Весенний день, здесь тоже была весна, был достаточно тёплым. Раз пока большая часть сказанного Гербертом не опровергнута, Пётр решил считать, что он в другом мире, или, пусть будет, в другой Тени. Он старался избегать прямого солнца, но в лесу практически не было ветра, и он достаточно быстро вспотел. Немалое раздражение вызывал берет, который он получил от тени. На земле он носил головные уборы только зимой, и обязательно выбросил бы его ещё тогда, когда обнаружил, но вспомнил, что в средние века с непокрытой головой ходили изгои и нищие. Или у нищих тоже что-то было? Но, раз появилось, лучше оставить, мало ли

что. Теперь он нёс надоевший берет в руке. Хотелось снять с себя часть одежды, но уверенности, что удастся достаточно быстро вернуть все эти непривычные вещи обратно тоже не было. А вдруг кто-то попадётся навстречу. А ещё хотелось пить. На стоянке наверняка был какой-нибудь ручей, но он спешил уйти и не подумал об этом. Да и фляги всё равно не имелось.

Всё это мелочи, но мелочи раздражающие, и Пётр был раздражён. Шёл он уже больше трёх часов, как ему казалось, солнце, успев побывать в зените, уже двинулось вниз. Про себя не слишком добрым словом поминал Герберта, утверждавшего что дебют будет быстрым.

Он успел несколько раз прокрутить в голове вчерашнюю беседу, пытаясь найти какие-нибудь зацепки, намёки. Но кроме того, что он не на Земле, никаких дополнительных идей ему в голову не пришло. А ещё он удивлялся. В принципе, за последние полгода он почти вернул себе хорошую форму, но столько времени идти и не устать, это всё-таки необычно и странно.

На этой мысли он и услышал голоса. Слов разобрать не удалось, но по тону походило на то, что один выговаривал что-то другому, а второй оправдывался. На всякий случай надев берет, он сбавил шаг и пошёл медленнее стараясь ступать тише. А вдруг говорят что-то интересное.

Уже потом, ещё раз обдумывая случившееся, он пытался проиграть в голове другое развитие событий. Прикидывал,

как сложилось бы, поведи он себя как-то иначе. Но пришёл к выводу, что результат был бы тот же, вероятно только начало разговора звучало бы по-другому.

– И кто это такой любопытный к нам подкрадывается?

Голос раздался сзади. Пётр попытался обернуться, но в спину чем-то кольнули, и тот же собеседник посоветовал, – «стой спокойно, уколоу, обратно не заштопаешь.»

– Эй, атаман, мы тут лазутчика мимохожего поймали, по-дойди посмотреть. – из леса на другом краю дороги вышел мужик с заряженным арбалетом в руках и тесаком на поясе.

Мужик был одет очень разномастно, а судя по виду, одежда была позаимствована у таких же, примерно прохожих.

За кустами метрах в десяти от Петра послышался опять внушительный голос, который раньше кому-то что-то выговаривал, – «погоди, сейчас, закончу и подойду!».

Ещё через минуту из-за кустов вышел здоровый борода-тый мужичина, одетый правда более однородно, но, несомненно, тоже в чужие вещи. Ну, не мог Пётр представить себе, что настоящий владелец будет вытирать рот рукавом бархатной куртки. На поясе у него висела абордажная сабля слева и кинжал в богатых инкрустированных ножнах справа, что так же не добавляло его облику органичности.

Атаман смерил Петра взглядом. Ни удивления, ни интереса в глазах.

– Ты же не лазутчик, ты приказчик, городской. Да? Деньги давай и иди дальше, или обратно, дело твоё.

– Погоди, атаман, а одежда? Ленз, вон, приоделся, а я? – раздалось из-за спины.

Главарь ещё раз посмотрел на жертву, может, ждал какой-то реакции? В спину опять кольнуло, – «не дергайся, костюм попортишь», – предупреждали вполголоса, но укол придавал словам значительность.

– Раздевайся, исподнее можешь оставить, Корблу действительно стоит приодеться. – атаман хохотнул.

Пётр сделал шаг к обочине, отодвигаясь от тихого Корбл с чем-то острым и от атамана. Разворачиваясь, он попытался оценить расстояние до противника сзади, но тот одновременно, видимо, шагнул назад и приготовил копье, которым до этого колол. Заканчивая поворот, Пётр заметил, что Ленз, видимо так звали мужика с арбалетом, поднял оружие к плечу.

– Давай, давай, – ещё раз хохотнул атаман, – «Корбл и дырявую оденет, стирает и оденет. Правда, дружище?»

Похоже дебют действительно был быстрым и провальным, подумал Пётр раздеваясь. Внимательный взгляд Ленза поверх арбалетной дуги отбивал желание сопротивляться.

– Сумочку мне кинь, ни к чему она Корблу, – атаман протянул руку.

Поймав сумку, он сноровисто прорылся в ней, что-то убрал под куртку. Достал письма. Просмотрел. Перевернул. Если он ещё и читать умеет, то для обычных разбойников эта троица чересчур профессиональна, подумал Пётр. Но чуда

не случилось. Но и выбрасывать бумаги атаман не стал, так же аккуратно сложил обратно.

— А ты шагай, мил человек по своим делам, иди, и не грози издалека, что вернёшься, у Ленза хороший арбалет.

Пётр ушёл. Вперёд. Возвращаться в одних подштанниках и нижней рубаше в лес было глупо. А ещё копошилась мыслишка, что, если он пойдёт назад Ленз может решить, что он увидел всё, что хотел, и решит не рисковать.

Проходя мимо куста, из-за которого появился атаман, он бросил туда взгляд, но там уже никого не было. Человек, с которым толковал предводитель местных работников копья и арбалета, не стал дожидаться этого взгляда. Похоже, он обошёл прикрывавшую его растительность с дальней от дороги стороны. Ветки ещё не успокоились.

Пересказывать утверждения и идеи посетившие Петра в следующий час нет смысла. Цензурных было исчезающе мало, а конструктивных ещё меньше.

Постоялый двор был большим. Точнее большим был сам двор, обнесённый частоколом, а строение, или, скорее, обычный двухэтажный дом, уже не изба, но ещё не усадьба, и несколько построек попроще занимали относительно немного места на огороженной территории. Ворота были распахнуты. И Пётр стоял у этих ворот думая стоит ли заходить. Человек в одном исподнем и без денег, обычно, не самый желанный гость. Конечно, название гостиничной индустрии в

его мире, происходило от слова гостеприимство, но это идея. А между идей и её реализацией способна распахнуться пропасть.

Пётр хихикнул, визит человека в исподнем – генерала Черноты к «азартному Парамоше», сделал генерала миллионером в одном из старых фильмов. Игривая мысль, что трактирщик может быть тоже азартен, столкнулась с вопросом, а есть ли здесь карты. И утонула в глубине. И Пётр так же беззвучно, но решительно призвал себя к серьёзности.

Ещё одно наблюдение, теперь уже за собой поначалу удивило. Он как-то сразу выделил из всех построек конюшню. Причём даже без анализа деталей: следов, наличия ворот и других. Это было странно, до мозга костей городской человек, Пётр с лошадьми имел дело один или два раза. Когда со школой ездил в совхоз копать морковь, или картошку, сейчас уже и не вспомнить. А конюшню они ремонтировали как-то раз в стройотряде, лет тридцать, если не больше назад. А сейчас почему-то сразу узнал. Если, увидев лошадь он ещё и сообразит, как её седлать или запрягать, это однозначно дар Теней. Тогда, на картошке после того, как они покатались на старой совхозной кобыле, их вывели на чистую воду сразу. Именно по той простой причине, что обратно запрячь кобылу в телегу, они не смогли. При том, что однорукий конюх сделал это легко и быстро. Пётр попытался припомнить этот момент, и понял, что сейчас, наверное, смог бы повторить то, что делал конюх.

Шаги сзади он услышал даже несмотря на задумчивость. Обернулся. К нему подходил молодой парень, даже борода ещё не сформировалась, так, пух какой-то. Подходил незнакомец с той стороны, откуда он пришёл сам. Насторожившись, Пётр шагнул чуть вбок, чтобы со спины был бревенчатый забор, а не открытые ворота.

И всё-таки, в конце концов, Пётр оказался не только на территории постоянного двора, или «приюта караванщиков», как называл своё заведение хозяин, но и внутри основного здания. Приводить весь разговор с хозяином и его сыном, а паренёк, встреченный у ворот, оказался сыном хозяина, нет смысла. Он был длинен, и лжив как речь большинства менеджеров по продажам. Из слов хозяина следовало, что гостеприимство – его второе имя, первое было Дачс. А ещё он, как минимум, являлся дальним родственником всем проезжающим, проходящим, а особенно пострадавшим от разбойников. Именно таким путникам он, Дачс, готов помочь даже в убыток себе. Была не до конца понятна причина его доброты, то ли из-за того, что он и сам страдает от разбойников, или потому, что разбойники помогают ему увеличивать плату за безопасность, даруемую частоколом. Впрочем, вполне вероятно, чтобы пострадавшие просто могли выжить, заработать и снова пострадать.

С убытком оратор чуть-чуть погорячился, за куртку штаны, опорки, которые он назвал обувью, еду и кров, Пётр дол-

жен был отработать месяц на постоялом дворе. К сожалению, на рынке труда наблюдалась полнейшая монополия. Но новоявленный пролетарий был уверен, что в какой-то момент, сможет разорвать контракт односторонне. Хотя, внимательнее осмотрев куртку, в спине которой было два отверстия, на уровне печени и под лопаткой, задумался. Но пришёл к выводу, что, разрывая контракт, он уже нарушит местное трудовое право. А раз так, то сопряжённое с этим действием нарушение уголовного не должно его серьёзно беспокоить. Встреча, предшествовавшая выходу на новое рабочее место, побудила его пересмотреть способы решения проблем, которых он до этого обычно придерживался.

Определить, что приобретал у сапожника первый хозяин «обуви» не удалось. А вот штаны были нормальными, даже не слишком ветхими. Кстати, какой-то войлочный колпак ему тоже дали.

Возникшее в процессе разговора чувство, что разбойники были гораздо меньшим злом чем, хозяин крепло весь оставшийся день. Воды Петру «добрые наниматели» налили ещё в самом начале разговора, а вот еда случилась уже после захода солнца. Может работа продолжилась бы и позже, но насколько понял Пётр, поедая странное варево из шербатой миски и запивая это каким-то тёплым ещё настоем, хозяин просто экономил на освещении. В зале, небольшом, всего на четыре стола, свет был только от очага, в котором зачем-то ещё тлели угли.

Можно подумать, что свежеиспечённый батрак, не знакомый со сложившимися на рынке труда этой местности ценами, переоценивал свои трудовые успехи, но следовало принимать во внимание ещё одно обстоятельство. Когда он носил из погреба какие-то колбасы и мешки, он услышал часть разговора хозяина с сыном.

– Может всё-таки в подвале его устроить? Там засов на двери. А утром я пораньше встану и выпущу.

– Да нет, робкий он. Приказчик, чернильная душа, прав был Джерд, стоило Корблу его разок копьём кольнуть, он и успокоился.

– Под лестницей тряпья ему накидай, а через неделю ка-торжников в порт поведут, я его сержанту продам, в порту за гребцов можно неплохую денежку взять...

– Джерд ещё бумаги передал, посмотри...

На этом, правда, работа в самом доме закончилась, и дальше Пётр чистил конюшню, в которой стояли две унылых лошадки, и никаких разговоров больше не слышал. Но и случайно подслушанного было достаточно, чтобы понять, что времени на то, чтобы осмотреться и приготовиться немного. Через пару дней стоит двигаться дальше, и скорее всего на одной из этих лошадок.

Пора было заканчивать с едой, похоже, хозяин не уйдёт, пока «работник» не закончит есть и не уберётся под лестницу, в чуланчик, где ему постелили. Скорее всего покопаться за стойкой и на кухне, где можно найти нож, удастся толь-

ко ночью. Пётр не знал точно, но по размерам зала и кухни предположил, что хозяйские комнаты наверху. На втором этаже, где похоже расположены и комнаты постояльцев. Видимо, когда кто-то останавливается на постоялом дворе, то поднимается туда, как раз над моим чуланчиком. В таком относительно небольшом доме делать несколько лестниц достаточно.

Уже допивая настой, он собирался отдать посуду хозяину, но встать из-за стола не успел. За дверью послышался топот копыт, ржание, и мгновенно ему пришло решение немного подождать, любое новое знание не бывает лишним.

Через некоторое время дверь распахнулась и в зал шагнул человек. В полутьме он выглядел бесформенно, и не спешил окунуться в атмосферу почти неосвещённого зала.

– Ну и темень, хозяин, ты где притаился? Спишь? И почему ворота не закрыты к ночи? Разбойников ждёшь в гости?

– Нет господин, просто не успели ещё, а свет сейчас будет. – Дачс засуетился, нашаривая что-то под стойкой.

Оказывается на постоялом дворе были даже свечи, одну из которых он выставил на стойке, а со второй пошёл в сторону гостя. Света стало существенно больше, и Пётр смог разглядеть приезжего. Высокий, в широкополой шляпе, в длинном плаще, который сзади приподнимался похоже длинным клинком. В руке гость держал седельные сумки и задние, и передние. С появлением освещения, гость осмотрел зал.

– Что за шваль у тебя здесь на ночь глядя собралась? – гость уставился на Петра.

– Это работник господин. Зачем же Вы сами вещички-то, работник и коня на конюшню поставит, и обиходит и поклажу принесёт.

– Ага, и заглянет в них заодно, так?

– Не надо так говорить, у нас известный постоялый двор, и про воровство ещё никто не заявлял.

По лицу гостя было件нятно, что он, как и Пётр, пришёл к выводу, что те, кто вероятно имел основания жаловаться на потерю имущества, скорее всего не дожили до такой возможности. Потому что он немного распахнул плащ и стала видна витая гарда то ли шпаги, то ли сабли с одной стороны пряжки и рукоять кинжала с другой.

– Ладно, надеюсь в комнатах крепкие засовы и ставни закрываются. Я проверю. Еда ещё осталась? И бутылку красного вина принеси, откроешь при мне.

– Сейчас сын спустится, и проводит в комнату, там и сундук есть, где можно вещи оставить. А ты иди, обиходи коня и ворота закрой, пора уже, – это уже Петру.

Одновременно он дёрнул за верёвку, висящую на стене рядом со стойкой, и наверху на грани слышимости что-то задребезжало, разговаривай кто-то в зале и внимания не обратишь.

Пётр направился к двери оставив посуду на столе. Оглянувшись в дверях, увидел, как Дачс ставит свечу на один из

столов и что-то втолковывает гостю. Лицо гостя твердело с каждым словом. Похоже, чем больше лебезил хозяин, тем меньше доверия он внушал приезжему. А ещё в глаза Петру бросились взгляды хозяина. Добротные кожаные клапаны сумок, которые гость поставил у стола, притягивали взгляды трактирщика как магнитом. Что-то это ему напомнило, нечто почти забытое.

После ворот Петру на удивление легко удалось договориться с чёрным жеребцом, стоявшим у коновязи. Он отвёл его на конюшню, расседлал, почистил и насыпал зерна. И лишь тогда вспомнил, что за ассоциации вызвала в памяти сцена в зале. Гаспар Кадрусс, хозяин «Гарского моста», по книге «Граф Монте-Кристо» совсем не был таким мерзким, но в экранизациях все актёры делали из него настоящего узнаваемого негодяя. А вспомнив судьбу трактирщика Пётр внезапно задумался не пора ли ему заседлать кобылку, а может и чёрного красавца и двинуть дальше.

Остановило его только уверенность, что в его отрепьях, и на великолепном жеребце, и на старой кобылке его схватят как конокрада в ближайшей же деревне. Нужно было как-то добыть более приличную одежду. Но перед этим необходимо пережить эту ночь.

В том что хозяин попыбует ограбить гостя, у Петра к концу чистки коня сомнений не осталось. А дальше в любом случае он станет либо лишним свидетелем, либо потенциальным соучастником, если победителем выйдет гость. Ве-

роятность, что приезжий будет разбираться в тонкостях, судя по повадкам, исчезающе мала. Перебьёт всех в разбойном гнезде и вся недолга. Не похож он человека склонного к раздумьям прежде, чем пустить в ход саблю или кинжал.

Пётр взвесил в руках вилы. Такое «оружие» ему непривычно, и неудобно оно в доме. Нужно поторопиться. Когда хозяин с сыном полезут к гостю, следует оказаться в доме и пошарить за стойкой. Так будет вернее. Максим учил его пользоваться ножом. Мастером он не был совсем, но азы усвоил. Со шпагой или саблей было бы проще, но даже если удастся найти хотя бы короткий клинок, он будет чувствовать себя увереннее.

Когда Пётр вернулся в дом в зале никого не было. Свечи тоже не горели, и он почти ошупью пробрался к стойке.

Неудачи бывают постоянные, перемежающиеся и частичные. Пётр прожил долго, и не верил в чистое везение. Везение приходит, когда стараешься, а может не случиться даже если прикладываешь усилия. Но это не повод опускать руки. Бороться нужно до конца.

Под стойкой было чисто и пусто, только десяток кружек, накрытых какой-то тряпкой, даже тарелок не было.

Дверь в кухню была закрыта на засов изнутри, простейшее приспособление дырка в двери и металлическая, или деревянная палочка с заклёпкой на конце и второй вращающейся палочкой или пластиной. Но ему сейчас проблему сходу

решить не удастся, час другой, но этого часа нет. А скребок или кочерга в дырку... А, собственно, чем плоха кочерга, подумал Пётр, её то никому в голову прятать не придёт.

Кочерга нашлась у очага, который практически погас. Угли подёрнулись пеплом, но даже в этом свете, осмотрев кочергу Пётр улыбнулся. Это была «пика», кочерга похожая на небольшой багор. Это даже удобнее. Теперь можно идти под лестницу и ждать, когда жадность одолеет Дачса.

Под лестницей Пётр чуть не заснул. Сидеть в чулане было неудобно. А стоило лечь, даже старательно ворочаясь, он засыпал. Всё-таки вторая ночь без сна. Ему пришлось сначала ущипнуть, а потом и укусить себя за руку. Хорошо, что долго ждать не пришлось. Правда, он тут же поправил себя, лучше бы идиот Дачс дождался рассвета. Петру было наплевать на гостя. Может, тот в жизни и хороший человек, и ему просто не повезло приехать именно сюда и именно сегодня. Но одного презрительного взгляда и характеристики хватило, чтобы понять, что договориться они не смогут. А попытайся Пётр изобразить капитана очевидность и предупредить гостя о намерениях хозяина, которые тот и сам отлично распознал, благодарности он не дожждётся. Гость по виду был явным дворянином, или кавалерро, как их называли здесь. И по реакциям и словам, те кто ниже были для него грязью. А судил он по одежде и сразу. И как противники трактирщик, даже вместе с сыном, были однозначно предпочтительнее. То есть вмешиваться в схватку Пётр не будет. Позиция обе-

зьяны, наблюдающей за схваткой сверху, ну, или снизу, из-под лестницы, его вполне устраивала.

Тихий скрип и голоса он едва расслышал. Но расслышав встряхнулся, и не надевая опорки, вышел из чуланчика и потихоньку начал подниматься по лестнице.

Уроки КаБара, так в узком кругу друзья называли солидного бизнесмена Максима Игоревича, не прошли даром. Ступеньки не скрипели под ногой. Бывший боец спецназа в своё время дал другу несколько уроков. Тогда же, когда показывал, как пользоваться ножом и другими предметами не только для защиты. Пётр хищно усмехнулся, Макс был бы доволен учеником.

Поднялся он вовремя. Как и предполагалось, второй этаж был разделён на две части. Направо от лестницы, над кухней была хозяйская, отгороженная стеной с открытым сейфом настежь входом. Налево, над залом был коридор и двери в комнаты гостей, одна из которых сейчас была распахнута наружу. Из неё с рёвом вылетел гость, впереди которого задом отступал, или, скорее, семенил Дачс.

– Сам решил, или подсказал кто, ночью у меня пошарить? Говори! – рявкнул постоялец.

Он прижимал содержателя постоянного двора к стене, упираясь в горло локтем левой руки, в которой держал саблю, так и не вынутую из ножен.

– Тебе уже не важно, – прохрипел Дачс и ударил гостя ножом бок.

Петр отчётливо видел удар, до противников было не больше двух – трёх метров, но нож скрежетнув по чему-то под рубашкой скользнул, не нанеся никакого ущерба противнику. Удивиться Дачс не успел. Гость двинул правой рукой, которая была закрыта от Петра его телом и изо рта хозяина гостиницы плеснула кровь, он захрипел, и когда гость отшатнулся от него назад, сполз по стене. Впрочем, победитель рано расслабился. У него за спиной возник сын хозяина, то ли не успевший войти в комнату, то ли страховавший отца в коридоре. С криком: – «Отец», он ударил убийцу дубинкой по голове. Гость рухнул ничком, раскинув руки. Выпавшая из левой сабля оказалась не более чем в метре от Петра, чем тот и воспользовался. Клинок с тихим шорохом выскользнул из ножен.

– Брось оружие и помоги мне, – сын Дачса махнул дубинкой.

Даже когда остриё сабли, обойдя финтом дубинку, вошло ему под подбородок, он, похоже, не поверил в происходящее. Глаза смотрели на того, кто его убил, с удивлением, пока не потускнели и не закатились. Пётр выдернул клинок, и тело упало на пол.

Пётр проверил Дачса и гостя. Хозяина гостиницы просто для страховки, у него под рёбрами торчал кинжал, вошедший по рукоять, но лучше всё равно убедиться. А у гостя оказался проломлен череп. Видимо дубинка была не простой. Взвесив в руке и осмотрев, Пётр удостоверился, что в

дубинку залит свинец. Отец с сыном были хорошо подготовлены к встрече гостей.

Петру не давал покоя ещё один вопрос. Его снедало любопытство, как отец с сыном открыли дверь с засовом изнутри, и почему, дверь распахнута наружу. Остальные двери, судя по коробкам и наличникам открывались внутрь комнат.

Оказалось, что дверь вывешена на круговых петлях, и сейчас на ней повис один из косяков, прижатый засовом. А рядом у стены лежали три фальшивых скобы, крепившие фальшивую часть коробки к стене, они лоснились от масла, и без сомнений легко выдёргивались из отверстий.

Гаспар Кадрусс был просто невинным ребёнком по сравнению с Дачсом. Гостиница уже строилась с вполне определёнными целями.

Пётр не остался наверху. Его не смущали трупы, мёртвые не могут навредить, но оставшись он скорее всего не выдержал бы и начал обыскивать комнаты гостя и хозяина, а ему требовалось отдохнуть. Он забрал только оружие – саблю и кинжал кавалерро, просто для спокойствия, а ещё приспособление для того, чтобы открыть кухню утром. Спустившись вниз, задвинул засов на входной двери. После чего пошёл спать под лестницу.

Глава 2. СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ. ОСНОВА ИГРЫ – АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ, ЕСЛИ ОНА ИЗВЕСТНА

Утром первым делом Пётр отругал себя за то, что вчера взял только оружие. На самом деле, он разыграл целую сценку, придумывая реплики за Максима и Корейко. Корейко, вообще-то для внешнего мира Денис Петрович, третий из учредителей «клуба ветеранов», в аналогичных случаях всегда вставал на сторону КаБара.

Будучи СРА (сертифицированный аудитор в англоязычных странах) и аттестованным аудитором в России, он всегда горой стоял за аккуратность. Профессия не могла не наложить отпечаток, и Денис был редкостным буквоедом и сторонником идеального порядка в делах. Для него немислимо было бросить на полпути какую-то работу. А в данном случае они бы обязательно спелись и устроили партнёру головомойку за всё. И за то, что он не обеспечил зачистку и безопасность и за то, что не довёл акцию до конца, или хотя бы не обеспечил сохранность доступных вещей, денег и документов.

Пародирова язвительные выпады Макса и бухгалтера, придумываемые во время подъёма наверх, разгильдяй и раззява упирал на усталость. На то, что предшествующими событиями был выбит из колеи. И, естественно, в отсутствие друзей сумел убедить их, а скорее себя, что раз ничего не случилось, то можно его, то есть себя самого и простить. Когда споришь сам с собой, договориться достаточно легко, и наш герой не был исключением.

А закончил спор ударом ниже пояса. Мол, он вообще не собирается выслушивать мнение беспринципных типов, которые готовы ради денег пожертвовать прошлым. Именно эта фраза сложилась у него как финальная, когда он наконец поднялся на второй этаж.

Там он бросил наконец дискутировать с отсутствующими и перешёл к самому насущному, по его собственному мнению. Озаботился безопасностью дорогого его сердцу тела в самом прямом понимании. Быстро ощупав и осмотрев кавалерро, он убедился, что недошедший до цели удар Дача не стал случайностью. Под рубашкой гостя была кольчуга. Очень добротная даже по меркам Земли. Качественная вещь даже не требовала подкольчужника, настолько гладкими были внутренние клинья и клёпки колец. Но если придётся драться, поддоспешник нужен, и Пётр отыскал его в вещах убитого.

Логичным шагом было сразу же перебрать вещи и отложить то, что потребуется ему для путешествия. Ему повезло,

дворянин был близкой комплекции, а кроме того, почти не имел вещей, которые не удалось бы подогнать по фигуре.

Сразу отобрав несколько предметов, он вышел во двор кое-что замысл, и оделся как дворянин, не забыв натянуть найденную броню. Жара и неудобство не так опасны, как удар острым предметом в жизненно важные места. На удивление, защите умерший владелец уделял очень много внимания. И что интересно, большая часть вещей внешне выглядела как обычные, например, кожаный жилет изнутри тоже был укреплён стальными пластинами на плечах, груди и спине. Пётр даже удивился, одев две три вещи владелец был прикрыт даже лучше, чем большинство пехотинцев в средневековых армиях Земли. Вчерашняя встреча с разбойниками закончилась бы совершенно иначе, будь он так экипирован. Естественно, прямой удар арбалетной стрелы, или копья всё это могло и не сдержать, но в схватке прямой удар нанести не так просто, особенно если противник тоже вооружён и знает как использовать оружие.

Одевшись, Пётр, не задумываясь повесил на пояс саблю и кинжал. Сумка тоже прилагалась, но она была в разы меньше, чем у него до встречи с разбойниками, и совсем не мешала вооружиться. Немного подумав, он даже вставил в специальные петли на спине два метательных ножа. Владение ими не было его сильной стороной, но лучше, когда оружие у тебя есть, чем если его не окажется в нужный момент.

Стоило проверить как всё сидит, и удобно ли будет поль-

зоваться оружием. Глупо надеть на себя скрытую защиту и ходить брякать ею, сразу выдавая её наличие. И если будет неудобно, стоит приноровиться сразу, а может кое-что и убрать обратно в сумки. Саблю пришлось немного подвигать на поясе. Но в конце концов, ему удалось найти положение, из которого он мог достать её одним движением.

Сделав несколько выпадов, Пётр уже собрался вложить её обратно в ножны, но заинтересовался клинком. Не являясь особым специалистом, оценить качество он не мог, его просто озадачили замеченные странности. Вообще-то, до этого дня у него было две вспышки интереса к историческому оружию. Первая, когда ему подарили афганский хайбер, и он некоторое время пытался найти в музее аналоги, а заодно смотрел и остальное оружие. А вторая, когда начался шум по поводу восстановления технологии булата и дамаска. Пётр ходил на выставки, цокал языком, когда ему рассказывали про высокое качество металла, и даже купил несколько изделий.

Когда он вернулся с выставки и показал покупки Максиму, тот сделал у них на обухах несколько засечек «катраном», и приобретённые «образцы кузнечного искусства» отправились пылиться куда-то в шкаф.

Находка, ранее принадлежавшая убитому, по виду оказалась даже не саблей, а скорее узким чуть изогнутым палашом. Односторонняя заточка большей части лезвия и выраженный обух сочетались с двусторонней заточкой последней

трети.

Клинок был не полированным, кроме дола и режущих кромок, а травлёным, серого цвета при повороте на солнце уходящим чуть в желтизну, с неожиданно белыми прожилками в металле.

Рукоять была тоже странной, абсолютно неожиданной для средневековья. Больше всего она напомнила Петру рукоять спортивного эспадрона, немного изогнутую и приспособленную именно для фехтования, а не для рубки. А два выступа, как намёк на бельгийскую ортопедическую, в средние века вообще не могли существовать. Но Петру было удобно. Получив мастера спорта по шпаге, в последнее время после нескольких попыток ходить в клубы «исторического» фехтования, он увлёкся эспадроном, так что его вновь приобретённое оружие более чем устраивало.

Подробно описывать завтрак неинтересно, и не важно для повествования. Можно только отметить, что позавтракал Пётр существенно лучше, чем вчера поужинал, во всех смыслах. Единственное, что стоит отметить, что за завтраком он пытался строить планы. Очень давно он убедился, что даже если не можешь двигаться к некоей главной цели, нужно ставить перед собой какие-то ближайшие, промежуточные ориентиры, позволяющие определить и уточнить главную в настоящий момент. Движение без смысла чаще всего приводит только к неприятностям. При этом намеченное должно быть конкретным, то есть позволять спланировать

какие-то пути её достижения.

Додумавшись до идеи вернуться назад к разбойникам и используя полученные возможности попробовать их при- страстно «порасспросить», Пётр решил отложить глупости на потом и заняться насущными делами.

После завтрака он вернулся наверх. Хотелось найти те бума- ги, которые Джерд отдал сыну Дачса. Здесь они ему теперь не пригодятся, но, когда он будет возвращаться на Землю, он отгонял от себя слово «если», они будут нужны. Восстано- вить документы на земле несложно, но зачем лишняя моро- ка. Ещё хорошо бы найти блокнот. Тут причина была обрат- ной, смартфон можно купить новый, контакты восстановить, но без бумаги и пишущих принадлежностей Пётр чувство- вал себя некомфортно. А у Дачса он даже амбарной книги не видел. Может тот вёл бухгалтерию в уме?

Обыск в комнатах трактирщика не принёс каких-нибудь интересных открытий. Пётр нашёл пару схронов, а там мешочки с деньгами, которые не считая бросил рядом с седель- ными сумками. На всякий случай все тайники он закрыл опять. Чем больше проходило времени, тем больше была вероятность появления каких-нибудь «гостей». Изображать хозяина он не собирался. Проще было сказать полуправду. Что-нибудь. Вроде, гостей было двое, одного трактирщику с сыном убить удалось, а один, он сам, отбил.

Тратить время на поиск остальных сбережений хозяи- на, если они были, Петру казалось нецелесообразным. При-

думанная им версия была неплохой, но лучше побыстрее уехать, чем проверять её достоинства, если на постоянный двор заявятся какие-нибудь визитёры.

А для придания истории достоверности, нужно было разобрать вещи кавалерро, и оставить в комнате убитого какой-то набор одежды и бытовых мелочей. Часть – то, что ему не подошло, он уже отложил. Осталось перебрать две сумки.

Обнаруженную в одной из них стопку писем и исписанных листов, он даже поначалу отложил. Воспитание настойчиво шептало в ухо, что обождать покойника ещё куда ни шло, но лезть в его личную жизнь – это чересчур. Борьба с принципами шла с переменным успехом, Пётр забрал пару кошель с монетами, и ссыпал обратно в кисет какие-то ювелирные изделия, намереваясь оставить их покойнику. Бросив мешочек на кровать уронил пачку листов, которые до этого положил на край, те разлетелись. Нужно бы собрать, пришлось в голову Петру, по его трактовке произошедшего на обыск комнаты погибшего у Дачса времени не оставалось.

Собирая листы, он всё-таки не удержался и бросил взгляд на текст, после чего сел на кровать и уставился на лист бумаги в руках, внимательно его рассматривая. Письмо, или что это было, выглядело как упражнение в создании головоломки. На первой строке была вполне понятная надпись: – «Писано в пятницу десятого дня ... месяца ... года», а дальше после отступа с новой строки были буквы, следующие друг за другом безо всякого порядка и без пропусков до точ-

ки. В некоторых «предложениях» посреди ряда букв встречались заглавные. Иногда на протяжении одной или нескольких строк между точками просматривались какие-то части слов, но в целом, даже если выделить такой кусок, остальные части в нечто осмысленное всё равно не складывались.

Прикрикнув мысленно на воспитание, Пётр собрал все листы и корреспонденцию обратно в сумку. Конечно, можно было предположить, что в коридоре лежит местный Леонардо да Винчи, который в силу общей паранойи шифрует свои дневники и записи об открытиях, но наугад вынутое из пачки письмо тоже было зашифровано. Записки ладно, а шифрованная переписка – это уже не паранойя, это тайны и секреты. Перед внутренним взором всплыл небрежный взмах рукой и фраза: – «дебют будет острее».

С посланиями нужно внимательно, очень внимательно ознакомиться. А потом решить, стоит ли возить их с собой. В средние века не слишком церемонились с людьми, у которых находили в вещах что-то непонятное. И чем быстрее ему удастся это сделать, тем лучше. Но перед этим придётся заново рассортировать вещи. Если ему повезло наткнуться на то, что он думает, любая вещь мёртвого кавалерро, Гантрама барона Диерского, именно этому человеку было адресовано большинство писем, может быть опознавательным знаком, который или нужно взять с собой, или, наоборот срочно от него избавиться, а может содержать информацию необходимую для чтения шифровок.

Пётр собрался, чужая Тень, средние века, даже шок от произошедшего, не повод вести себя так расслаблено. В его действиях слишком много ошибок. Неважно почему, в причинах можно разобраться позже, но раз сейчас появилась возможность, пусть пока наощупь, понять, что за игра идёт вокруг и получить информацию, необходимо это сделать. Это то, что он умеет, а тогда появится возможность перейти к тому, чему он обучен, начать полученное использовать, а антураж не сыграет большой роли. Даже наоборот, в рамках средневековых возможностей, задачи, которые он будет решать должны упроститься.

Первым делом повторный осмотр комнаты барона, он мог что-то спрятать здесь, когда располагался, чтобы забрать перед отъездом. Разделив комнату на сектора, Пётр проверил сначала очевидные, а потом и более сложные возможности создания тайников. Нет, барон действовал по принципу – всё своё ношу с собой.

Теперь тело, не только оружие, но и украшения и другие предметы, могущие оказаться важными. Собрав на этот раз все найденное у убитого барона в сумки, Пётр спустился вниз, в зал, и начал раскладывать вещи на столе, предварительно найдя пару свечей и обеспечив себя дополнительным светом. Это было проще и действеннее, чем передвигать стол к узкому, да ещё и затянутому какой-то мутной плёнкой окну.

Механические действия по упаковке, переноске и разме-

щению обнаруженного в комнате и на теле разбудили память. Он вспоминал самое начало своей военной службы. Историю, когда они с КаБаром, прозвище которого тогда было совсем другим, впервые узнали друг о друге.

Тогда они служили молодыми старшими лейтенантами. В то утро спецназовец, который позже станет солидным Максимом Игоревичем, с отделением бойцов должен был перекрыть тропу в горах. Там, по имевшимся сведениям, ожидался проход малочисленной группы моджахедов, сопровождающих важного человека. Вот только сообщение, на которое среагировало командование, оказалось ложным. Информатору слили дезу. Выяснилось это всего за несколько часов до начала операции. Мальчишка – пиджак, старлей специальной лаборатории при разведуправлении, сопоставил перехваты радиообмена бойцов за веру в районе операции. Ему удалось определить точку и время схождения групп. Из чистого любопытства, или по счастливой случайности он сравнил полученный результат с предыдущей ориентировкой, сличил две записи в журнале. По заведённому порядку это – обязанность аналитика, то есть следующего звена в цепочке. Он и сам не смог бы объяснить зачем и почему сделал то, что сделал. А осознав результат, ринулся в аналитический отдел бегом, а не отправил данные как положено нарочным.

Выигрыш составил пару часов, но они оказались решающими. С десятком, сидевшим в засаде, связались, и он сме-

нил позицию. Одновременно несколько поднятых по тревоге отделений были переброшены вертолѣтами в тыл «охотникам». Роли поменялись. Так бывает.

Макс с сослуживцами выжил, а охотники нет. Ударившие с тыла спецназовцы завершили завязавшийся бой. Какой-то шейх, послуживший приманкой погиб, и на нём при обыске нашлась старинная сабля.

Скорее всего, трофей бы замылили, а потом продали и пропили. Изменения оперативной обстановки происходят регулярно, и не всегда низшее звено знает, почему руководство меняет боевую задачу.

Но в этот раз встречавший вернувшиеся с задания группы подполковник сказал, что они родились в рубашке. И, помолчав, добавил, чтобы благодарили за спасение любопытного салагу из разведки. Спецназовцы заинтересовались, а выяснив подробности, отрядили «новорождѣнного» старшего лейтенанта отблагодарить спасителя.

Во время поиска пацана из спец лаборатории один из штабных сболтнул, что Пѣтр мастер спорта по фехтованию, и ему подарили найденную саблю. Так зародилось знакомство, позже переросшее в дружбу.

Хайбер вынырнул из воспоминаний. Это прозвище ему дали гораздо позже. Но если бы не тот случай, его бы не было. Нет, у него не появился скользящий шаг убийцы, или ещё что-то в этом роде. Он просто вернулся к работе, той, на которую его натаскивали. Он был в ней очень неплох.

На первый взгляд, в кучках и стопках на столе никаких бросающихся в глаза паролей или знаков, вроде разорванного или завязанного особым узлом платка, или ещё чего-то похожего не было. Ну, нет так нет.

При ощупывании той одежды, что должна была остаться в комнате барона, под подкладкой одной из курток отыскиались несколько листов бумаги, заполненных текстом. Они сразу были добавлены к остальным записям. Драгоценности и монеты Пётр пока перебирать не стал, там ключей к переписке не будет точно. А вот рубашки, бельё и платки осмотрел повнимательнее, химические проявители текстов могли быть здесь известны. Но ничего похожего найдено не было, так же как пузырьков или чернильницы. Только ещё один блокнот с карандашом, он после осмотра был отложен к своему, пригодится.

На ревизию и сортировку ушёл почти час, но времени было не жалко, это основа, хуже что-то пропустить, а оттого потерять потом больше. Но всё когда-то кончается, закончились и вещи, теперь разобранные по кучкам, часть из которых, вернулась наверх в комнату барона.

Пришёл черёд бумаг. Уже во время сортировки драгоценностей и одежды, Хайбер прикинул круг шифров, с которыми может столкнуться. Голове не всегда удаётся приказать не думать, а монотонная работа по прощупыванию склады-

ванию и перетасовке способствует размышлениям. Моноалфавитные, многоалфавитные, в любом случае это будут способы, основанные на правилах, а не на таблицах или дисках. Ни того, ни другого в вещах барона не обнаружилось.

Как всегда, положим не всегда, но довольно часто, в дешифровке переписки основную роль сыграла слабая организация работы с закрытой информацией. Найденные в подкладке листы открытого текста оказались расшифрованными письмами, а в общей стопке нашлись зашифрованные послания за те же даты. Шифр оказался условно многоалфавитным. Дни недели в открытой части письма определяли сдвиг простой замены, а не были открытым ключом, как подумал сначала Пётр.

В целом, «шифровальщики» при несложном шифре сумели собрать целый букет ошибок в организации переписки. Тексты начинались и заканчивались формальными фразами. То есть переписка была бланковой. Например, барон подписывал письма полностью: – «искренне Ваш Гантрам барон Диерский», а его корреспондент отвечал: – «Глава тайной канцелярии Герцог Лирон Эндьер».

Впрочем, для римской системы счисления это всё было почти естественно, развитие математики в этой Тени дело будущего. А барону нужно спасибо сказать за его безалаберность. До ознакомления с его эпистолярными опытами Хайберу даже название страны, в которой оказался было неизвестно, то-то он намучился бы вскрывая сообщения.

Он принёс себе с кухни вчерашний холодный настой. Разложил перед собой и начал анализировать сначала открытые тексты, а за ними и те, что ещё остались зашифрованными. По прочтении делал записи и пометки в блокноте.

Несколько раз возникали трудности. Часть писем оказалась черновиками, и указания на день недели, то есть сдвиг, применённый при шифровании, не имели. Вот только при использовании данных бланка для них, получение открытого текста почти не отнимало времени. Замерил длину, подставил две – три буквы, и, пожалуйста, переходи к тексту.

В какой-то момент выяснилось, что опознавательным знаком при встрече будет известный адресату перстень, который следует показать контакту. Отвлёкшись от блокнота и корреспонденции, он сразу же по новой высыпал на стол все найденные драгоценности. Отделив перстни, внимательно рассмотрел каждый по отдельности. Выделялся только один, но однозначного ответа не было. Все кольца были крупными и заметными. Но в этом прозрачный светлый камень с тёмным пятнышком внутри, видимым на просвет, был не просто вставлен в оправу. Он дополнительно как бы перевязывался сверху узкой ленточкой белого металла, образовывавшей букву, напоминающую «Л». Многозначительное совпадение, впрочем, возможно, просто совпадение. Он бы окончательно принял решение, если бы среди оставшихся не было ещё и двустороннего с красным гранатом, или рубином с одной стороны, и печаткой с вензелем «ГД» с другой.

Убедившись, что на данном этапе безошибочный выбор недостижим, Пётр отложил его на будущее. Оставив на столе два «подозрительных перстня», ссыпал всё кроме них в несколько кисетов и рассовал в разные седельные сумки. После чего вернулся к корреспонденции и своим пометкам.

Наконец наступил момент, когда было прочитано всё. Проглядев теперь уже свои записи, он пару – тройку раз вернулся к разным посланиям и немного подправил, а частично дополнил сделанные ранее выкладки. А потом встал, сложил все письма в понятном ему новом порядке и связал в пачки.

Ещё раз сходяв на кухню и налив очередную кружку настоя, Петр начал внимательно читать, что у него получилось. Понятно было не всё, требовалась дополнительная информация, но некая картина происходящего теперь проступала.

Судя по переписке, Герард вывел Петра из теней в королевстве Родесса. Где-то на дороге, ведущей в портовый город Веммерсон. Это следовало из предположения, что барон Диерский, будущий резидент разведки Сильзира в Веммерсоне, следовал именно к месту назначения. Выполняя распоряжение своего короля, ему требовалось прибыть туда для выполнения задания в течение пары ближайших дней.

Естественно, в письмах об этом не говорилось прямо, но барон, получающий в Родессе зашифрованные письма от главы тайной канцелярии Сильзира, да ещё и содержащие распоряжения короля Одира Третьего, вряд ли был обычным

путешественником. Впрочем, может он и совмещал два этих занятия, был же Дефо разведчиком, а Свифт дипломатом.

Но Гантрам барон Диерский, вероятнее всего, должен был стать аудитором, контролёром, а в случае провала и дублёром Арндта Нойеадера. Судя по оговоркам консула и члена городского совета Веммерсона. По совместительству являвшегося банальным предателем. По поводу этого персонажа содержание писем было конкретнее. Даже суммы, полученные им через посредников на различные цели, указывались точно.

Упомянутый Нойеадер получал деньги от Сильзирской короны, поставляя сведения о гарнизоне, и другие мелочи. Например, предполагалось, что он выступит координатором авангарда и основной группы Сильзирского десанта. Экспедиционный корпус к текущему моменту уже подготовлен, и частично движется в направлении Веммерсона. На этом фоне детские шалости вроде оплаты действий пиратской флотилии и городских «ночных владык», почти не вызывали удивления. Скорее впечатляла разносторонность.

Пётр на собственном опыте знал, что крупный и очень крупный бизнес почти никогда не обходится без контактов с криминалом. «Ночные владыки» же, судя по контексту, были именно организованными преступниками. Пираты, конечно, совсем другая область. Но если Нойеадер занимается морскими перевозками, а что ещё делать крупному торговцу в портовом городе, то контакты с ними тоже вполне ожида-

емы. Невозможно обойтись без защиты «собственных» торговых путей от конкурентов.

Впрочем, нордлинги, именно так несколько раз именовались морские грабители, вполне могли быть аналогом викингов на Земле. Тогда их предполагаемая помощь при штурме и во время осады должна была восприниматься ещё серьёзнее. Правда и связи с ними становятся существенно более опасными для нанимателя.

В письмах наличествовали и более конкретные сведения о силах экспедиционного корпуса и сроках нападения. Только частности именно в данный момент были Петра не интересовали. Вот если знать состав и размер гарнизона, планируемые ответные действия армии Родессы, то имелся бы шанс продолжить. Но, к сожалению, какой-нибудь курьер с пакетом, в котором был бы доклад с нужными сведениями, в гостиницу вчера не прибыл, и Дачс его не прикончил.

Может, дорога к столице Родессы или какой-нибудь ставке короля не пролежала рядом с постоялым двором. Или судьба решила, что знаний об одной стороне конфликта ему будет до поры достаточно.

Рассматривая перстни лежащие на листе бумаги с выводами из переписки, Пётр с некоторой досадой крутил в руках карандаш. В его прошлом даже такие, с виду достоверные источники информации, требовали верификации, хотя бы частичной. Такая проверка без проблем организовывалась, например, путём опроса купцов. Цены на фрахт, продукты,

ещё кое-что, в портовых городах Сильзира обязаны были измениться. Даже минимальное увеличение концентрации сухопутных войск в прибрежных районах также не могло пройти незамеченным. Что ещё? Движение авангарда, Пётр сдвинул перстни и подчеркнул одну из строчек карандашом. И, наконец, нордлинги. Не меньше пятидесяти крупных кораблей должны где-то собраться, а это неминуемо кто-то заметит. Сигналом послужит изменение активности на торговых путях. Интересно, а здесь они тоже на драккарах плавают?

Отведя глаза от листа, Пётр взял в руки два перстня, и покрутил их в руках. Пока отсутствуют дополнительные источники, нужно пользоваться тем, что есть.

Ему внезапно пришло в голову, что всё в наличии и на виду, просто нужно серьёзнее отнестись к кажущимся малозначительными деталям. Что именно сказал напоследок Герард, он ведь обозначал условия игры. Если припомнить его слова поподробнее, то – «Не слишком важная и короткая...», «примерно на две недели», и последнее, но, похоже, тоже очень существенное – «если Вы пойдёте туда, дебют будет короче и острее». Это значит, что выбор направления на дороге приводит к ускорению начала игры. Но одновременно из этого следует и то, что для включения в партию направление не имеет значения.

Вот если бы точно знать в какой стороне Веммерсон, или, хотя бы, откуда приехал барон, Петру разгадка стала бы ближе.

И ещё одно, он чуть не выругался. Привыкнув оперировать современными размерами армий и численностью жителей городов, он недооценил возможности экспедиционного корпуса, данные о котором записал на обратной стороне листа с общими выводами. Заглянув туда, сверился с пометками. По средневековым меркам четыре – семь тысяч человек – это очень серьёзная сила, почти предельная для действий на большом удалении от собственной территории.

Теперь всё встало на свои места. Начинается большая война между Сильзиром и Родессой и первая цель, похоже, Веммерсон. Ему ещё раз подумалось, что будь у него карта, или кто-то, кто мог бы рассказать о расстояниях и направлениях, всё стало бы проще.

Хотя, у него же есть источники, они пока не подозревают об этом, но это не важно. Машинально погладив рукоять палаша Хайбер предвкушающе улыбнулся. Кому как не разбойникам знать то, что ему требуется. Достаточно правильно спросить.

Ещё раз осмотрев лежащие на столе перстни, он убрал их во внутренние кармашки пояса. И скривился, Герард разрешил ему выбирать сторону, и этим естественно стоит воспользоваться, если удастся, то обязательно.

У него в этой Тени нет привязанностей и обязательств, а война всегда предоставляет возможности развернуться хищнику. И он, и друзья не обольщались в отношении самих себя. С распадом империи таких как они появилось много.

Обученных тренированных зверей, которых отбирали, воспитывали, натаскивали, а потом содержали для охраны. А в какой-то момент защищать стало нечего, а им посоветовали перековаться и стать овечками на лугу. Только вместо этого многие побежали в лес и попробовали прибиться к волкам. Ни Пётр, ни его друзья переломить себя не сумели, и остались где-то посередине. Внешне обычные законопослушные бизнесмены, профессионалы в своём деле. Герард был не первым «волком», которого ввел в заблуждение безопасный законопослушный облик. А может он не заблуждался, а был уверен, что сильнее и умнее.

Размышления опять свернули к сгладившейся, но не забытой обиде на друзей. Впрочем, глупо обвинять в собственных ошибках других. Иногда очень хочется поворчать, только с самим собой стоит быть честным. Их вины в том, что его купили как мальчишку на блестящую наживку нет. Вернётся, тогда и наступит черёд выяснять отношения с ними.

Пётр потрянул головой, ему нужно было в Веммерсон, ближайшая цель была определена. Наступает время действовать, а следующий шаг даст возможность двигаться дальше. А уже там, осмотревшись в городе, можно будет и выбрать сторону, и подумать, как поучаствовать в происходящем.

Все сумки собраны. Наверху, в комнате напротив той, которая вчера досталась барону, Пётр сначала застелил постель, найденным у Дачса бельём, потом переверолошил её и оставил дверь открытой. В помещении, отведённом убито-

му дворянину, появился дорожный мешок, в который сложены остающиеся вещи. Можно седлать вороного. Котомку с провизией на пару дней он уже приготовил. Хайбер положил седло, затянул подпругу и взнуздал жеребца, вывел его во двор к коновязи, и пошёл к воротам, чтобы открыть их.

Он успел ухватиться за запирающий брус, когда за оградой послышался топот копыт и ржание, сопровождавшееся звяканьем железа. Потом шум изменился и почти прекратился, а в закрытые створки заколотили снаружи. И похоже не все удары наносились рукой.

– Даче открывай!

– Открывай ворота трактирщик!

Несколько секунд Пётр раздумывал, но в ворота продолжали колотить, причём теперь чем-то явно твёрдым. Сбросив запор из петель, он сделал несколько шагов назад и положил руку на эфес палаша.

Створки распахнулись практически сразу. В них показались крестьянин, и два полностью экипированных солдата, только без шлемов, один держал в руках копье, пяткой которого, видимо, и колотил в ворота. За ними на крупном гнедом коне сидел всадник в пластинчатом доспехе и берете вместо шлема, и смотрел прямо на Петра. А вокруг сгрудилось ещё множество конных в броне попроще. Чаще всего клёпаные кожаные куртки с металлическими пластинами, все без шлемов, в колпаках, или беретах.

– А Дачс где? – растерянно спросил крестьянин.

– погоди староста, теперь говорить буду я, – произнёс уверенно всадник в доспехе, видимо старший среди приехавших, – кавалерро, меня зовут Лабберт Мессе, лейтенант гвардии короля Родессы Верена Первого, – он наклонил голову не снимая шляпы, а потом снова посмотрел на Петра, похоже, ожидая, что тот представится.

– Петер Элайн, кавалерро, – он тоже не снял головной убор, а только кивнул.

Решение не представляться бароном Диерским было принято заранее. Слишком рискованно. И громкие титулы тоже ни к чему, им нужно соответствовать поведением и привычками, а ему их просто неоткуда взять. А вот проезжий кавалерро, ещё и из какой-нибудь далёкой страны – это идеальный выбор. Хорошо бы ещё знать название каких-нибудь стран, расположенных подальше, но это как-нибудь приложится.

– Кавалерро, я приехал, чтобы расследовать жалобу, скорее донос, старосты на содержателя постоянного двора Дачса. Вы позволите?

Лабберт улыбался, глядя на него и не двигаясь с места. Только поманил кого-то рукой, и к нему приблизился всадник в почти таком же доспехе. А Пётр ошалело думал, что же такого могли наговорить крестьяне на Дачса, если разбиться прибыл целый лейтенант гвардии, да ещё с таким отрядом. И при чём тут его позволение?

Но второе дошло до него сразу, он, стоя посреди ворот в нескольких шагах от них, просто мешал проехать внутрь.

– Вы опоздали, Дачс убит во время одного из своих преступлений, – бросил Пётр, отходя наконец в сторону, и добавил, – вместе с сыном.

Гвардеец посерьёзней, что-то сказал подъевшему к нему всаднику вполголоса, обвёл взглядом двор задержавшись на мгновение на жеребце у коновязи, и внезапно соскочив с коня направился к самозванному кавалерро.

– Петер, Вы позволите называть Вас так, без церемоний, Вы собирались уехать? – он указал на осёдланного жеребца у коновязи.

– Да, Лабберт, конечно, но похоже мне придётся задержаться, – постарался улыбнуться новоявленный дворянин.

Увидев всадников с лейтенантом во главе, он уже мысленно смирился с тем, что разбойникам придётся подождать. А может им просто повезло, и у него появится достаточно информации после разговора с приехавшими. Исключительно ради «восстановления справедливости» гоняться за обидчиками нет смысла, время дорого.

За забором кто-то прокричал команды, другие их повторили, звякнуло железо и задвигались кони.

– Пойдёмте Петер, заодно и пообедаем, один из моих сержантов отлично жарит яичницу, надеюсь, он и здесь отыщет яйца.

Пётр вернулся за Мессе в зал основного дома постоянного

двора, старательно не обращая внимания, что их сопровождают трое вооружённых бойцов. Один заторопился вперёд открывать дверь, а двое пристроились сзади.

Прибывший оказался легким приятным собеседником и неплохим следователем. Совсем не таким уж доверчивым простофилей, какими рисуют книги средневековых аристократов, верящих любому слову другого, по его словам дворянина.

Поначалу всё было несложно. Устроившись за столом, и наконец сняв свой берет, Лабберт отослал одного из сержантов, как он называл бойцов своего отряда на кухню, а Петру предложил поведать про смерть Дачса. Выслушав рассказ, велел двум стоявшим рядом сержантам сходить наверх и посмотреть. После чего посочувствовал собеседнику, сказав, что во время путешествия оказаться в таком, с позволения сказать, постоялом дворе и подвергнуться нападению чрезвычайно неприятное событие.

Походя, почти без интереса, просто из вежливости поинтересовался давно ли кавалерро в пути, и, если не секрет, откуда и куда тот следует. Пётр пытался отвечать односложно и расплывчато, мол издалека, путешествует давно, а направляется в Веммерсон. Гвардеец вежливо, но без заинтересованности покивал и предложил подняться наверх. Разобраться самим, сержанты – это хорошо, но дворяне всяко быстрее и легче поймут действия людей своего круга.

Первый треск тонкого льда, по которому ходил самозван-

ный аристократ, раздался как раз на втором этаже. Сержант, когда они появились, подтвердил лейтенанту, что оба и Дачс, и сын убиты холодным оружием колющими ударами. Тот поинтересовался, оба ли кинжалом, а Пётр опередил, мол, что нет, сын убит палашом. Мессе снова кивнул и согласился, что в тесном коридоре колющий удар предпочтительнее и поинтересовался у «потерпевшего» откуда у того столь необычное оружие, высказав предположение, что он, похоже, привёз его из той далёкой страны, откуда он едет, и попросил разрешения взглянуть.

С этого момента «провал» Петра в роли местного дворянина стал вопросом времени.

После осмотра клинка, когда они сопровождаемые сержантами, спустились вниз, лейтенант гвардии, ещё раз, при Петре опросил старосту.

Тот заново пересказал Лабберту свою жалобу на убитого трактирщика. На то, что путники проезжающие через деревню старосты и останавливающиеся в постоялом дворе Дачса, частенько не появляются потом в Веммерсоне и наоборот. Кроме того, торговцы и крестьяне так же ночующие у лиходея по дороге на рынок в город, особенно если идут с одной телегой или небольшим караваном, подвергаются нападениям разбойников.

Подозрения возникли и окрепли этой зимой после того, как несколько купцов, раньше проезжавших регулярно в этот раз обратно не вернулись. Староста обратил внимание

на пропажи потому, что хотел сделать им заказ. А подтвердились, по мнению говорящего, подозрения тогда, когда заказ был сделан, и он даже дал денег вперёд. Но купец обратно в назначенное время не появился. Вот после потери задатка то он и попросил кого-то из крестьян поинтересоваться на городских воротах проезжали ли те купцы. И оказалось, что из города они выехали, а в деревню не добрались. Вот только жаловаться было некому, пока не появился «его светлость» лейтенант.

Но на этом Лабберт старосту остановил и спросил о другом, тот ли Пётр дворянин, которого вчера он предупреждал не ехать на ночь глядя на постоялый двор.

Староста с удивлением ответил, что да, конечно, он признал кавалерро по приметному жеребцу и оружию, которые хорошо рассмотрел, пока советовал тому не ехать к Дачсу.

После этого лейтенант поинтересовался у старосты, есть ли у убитого трактирщика родственники, а теперь наследники. Конечно, был ответ, кое-кто есть, хотя тот – лиходей и выжига с ними, обретающимися в деревне, давно не общается. А Лабберт, удивив Петра, приказал крестьянскому голове побыстрее сообщить родным о случившемся. И добавил, что проверит потом, когда и как они получают имущество погибшего. Кроме того, он велел разобраться с трупами, передать тела хозяина постоялого двора и его сына наследникам, и подумав добавил, что убитого постояльца пусть тоже они похоронят за свой счёт, они, мол, обязаны. Фраза была по-

строена и прозвучала двусмысленно, то ли они обязаны потому, что их родственник убил, а может и наоборот, или ещё по какой-то другой причине.

Староста начал кланяться и заверять «его светлость», что всё будет сделано честно. Не дослушав, Лабберт махнув рукой отпустил его.

Сержант наконец принёс яичницу, действительно вкусную, с ветчиной и луком, правда Петру было не до еды. Он пытался сложить головоломку, но части друг к другу не подходили.

Конечно, у него не было причин считать себя специалистом в средних веках или в реалиях королевства Родесса. Но кое-что бросалось в глаза. Начать с того, что гвардия, тем более королевская, обычно экипируется более или менее единообразно, а ему в прибывшем отряде удалось увидеть несколько видов доспехов и снаряжения. Лейтенант явно был старшим, но сам не командовал. Для разбирательства в отношении жалобы крестьян совсем не требовался такой большой отряд, да и не занимаются королевские гвардейцы расследованиями преступлений трактирщиков. Мессе в отличие от барона ни разу не продемонстрировал спесь настоящего аристократа, хотя поводы для этого были куда как более веские.

И наконец то, что касалось самого «кавалерро Элайена». Лабберт несколько раз подводил дело к несообразностям в услышанной от него истории, но каждый раз останавливал-

ся на последнем шаге, а иногда даже по собственному почину давал объяснения этим нестыковкам и странностям. Получив в руки оружие, он не оставил его у себя, а вернул, демонстрируя пренебрежение к собственной безопасности. Хотя нет, сержанты почти постоянно держались рядом, но всё равно лейтенант гвардии вёл себя чересчур самоуверенно. И эта обмолвка про обязательства родственников перед покойным за вступление в наследство Дачса. Может староста и мог ошибиться, но Петру, который знал порядок и причины смертей, значение услышанного было абсолютно очевидно. Ещё одна странность заключалась в том, что, заботясь о сохранности имущества и правах наследников хозяина постоянного двора, гвардеец остался совершенно безучастным к тому, что на Петре одежда и оружие барона, не говоря уже о жеребце и остальных вещах. Учитывая же, что никаких других доказательств дворянского статуса собеседника, кроме явно чужой одежды и оружия не было, продолжение разговора на равных озадачивало.

Объект размышлений, сидя напротив, с воодушевлением поглощал яичницу, иногда улыбаясь чему-то своему, и складывалось впечатление, что он сейчас доест, подмигнёт и спросит – «ну и как, догадались, или сдаётесь?».

Но покончив со своей порцией, Лабберт вдруг очень серьёзно посмотрел на Петра и спросил:

– Ну и как вам яичница? Мой сержант действительно великолепно её готовит, согласитесь, – и так же ровно продол-

жил, — Что же такого Вы нашли в вещах убитого кавалерро, что решили повернуть обратно, в Веммерсон, Петер?

Глава 3. ЛАББЕРТ МЕССЕ. СВОЙ СВОЯКА ВИДИТ...

Пётр помолчал. Он ожидал вопросов, но скорее связанных с ним самим, или с тем, что он сделал, а этот оказался неожиданным. А ещё Лабберт сделал тот шаг, и задал тот вопрос, который ему требовался. Кажется ему улыбнулась удача, и теперь её желательно не спугнуть.

– Это ещё беседа, или уже допрос? Стоит ли мне теперь обращаться к Вам более официально кавалерро Лабберт?

– Нет, Петер, пока не стоит, мы всё ещё беседуем. У меня много вопросов к Вам. И думаю именно в обычной беседе, я быстрее получу ответ на тот вопрос, который для меня важнее чем остальные. И чтобы показать Вам, что интерес не праздный..., я назначен командиром гарнизона и временным губернатором Веммерсона, и сейчас направляюсь туда. Итак, Вы мне ответите?

– Конечно, я и сам собирался ехать туда. Хотел сообщить властям о том, что мне стало известно и, возможно, предложить свои услуги. Из бумаг покойного мне стало известно, что на город готовится нападение.

Лабберт выразил недоверие улыбкой и покачиванием головы.

– Петер, неужели в бумагах покойного так прямо написано про нападение? И, Вы здесь абсолютно точно чужой, вдруг хотите поучаствовать в защите города? Обычно, люди узнав о военных действиях стремятся оказаться от них подалее. Может Вы наёмник? – его лицо на секунду утратило дружелюбное выражение, но оно сразу же вернулось, – Вы достаточно заинтриговали меня, Петер, но сейчас... – он задумался.

«Острый дебют», – вспомнил Пётр слова Герарда. Оставалось только поаплодировать. Предугадать или спланировать такие совпадения, такому можно только позавидовать. Но одновременно в душе поднимало голову упрямство и рождалась глухая злоба. Нужно успокоиться, подумал он, и довести уже начатый разговор до конца.

– Лабберт, у меня осталась часть писем, и я могу доказать свои слова о готовящемся нападении Сильзира на Веммерсон, а также повторяю, что я готов быть полезным в его защите.

– Сильзира? Но как? Это невозможно! Петер, покажите письма!

Несколько минут ушло на то, чтобы в сопровождении сержанта сходить к жеребцу, достать из седельных сумок перевязанную шнурком стопку и принести её Лабберту.

– Но это какая-то ерунда, хотя... это же шифр. Да?

Пётр пододвинул Мессе два послания, которые он получил с расшифровками, и положил рядом.

– Сравнивайте и читайте.

Через несколько минут Лабберт отодвинул бумаги, и требовательно взглянул на Петра.

– Вы говорили, о том, что у вас есть подробности. Это так?

– Да, я расшифровал остальные и выяснил, что в них. С лёгкостью повторю всё при Вас, но это потребует времени, а его у нас мало. Авангард должен подойти к Веммерсону через четыре дня. И их нужно встретить подготовленными. Я готов помочь.

– Это или фальшивка, или Вы не понимаете, во что ввязываетесь. Впрочем, да, Вы же просто не могли знать.

– Теперь Вы говорите загадками Лабберт, – Пётр досадливо поморщился, – если Вы мне не верите, то прибыв в Веммерсон, мы легко получим сторонние подтверждения того, что здесь сказано. Я могу по дороге это объяснить.

– Хорошо, кавалерро Элайн, мы поговорим по пути. В любом случае, до подтверждения или опровержения этих сведений, мне придётся держать Вас рядом. Думаю, Вы поймёте. А если... если что, я успею Вас отпустить. До отъезда мне нужно написать письмо. А Вы идите, готовьтесь к маршу, – лейтенант кивнул сержанту, и тот двинулся вслед за Петром к выходу из основного здания постоянного двора.

Тронулись через полчаса. Лейтенант вышел из таверны, подозвал к себе одного из своих людей, которому что-то передал. В свою очередь получивший пакет подозвал одного из

бойцов, и через минуту солдат вскочил на лошадь и ускакал. Мессе же подошёл к Петру и сказал, что тому придётся ехать рядом. Когда они выехали из ворот, за ними пристроились те же трое, что сопровождали их в главном доме постоянного двора. Похоже, исполнявшие роль порученцев гвардейца.

От всего отряда с Лаббертом осталось только двадцать всадников Их экипировка была однообразна, хотя и разительно отличалась от пластинчатой брони лейтенанта гвардии и его «штаба». Отряд двинулся по дороге быстрой рысью. Удивительно, но Хайбер достаточно уверенно держался в седле, и не отставал от остальных. Направлялись они, насколько ему удалось понять, в направлении места, где вчера состоялась его встреча с разбойниками.

Догадка подтвердилась меньше, чем через полчаса, когда на обочине дороги обнаружили несколько солдат, охранявших группу из пяти человек. Помятых и в разномастной одежде, один из которых был ранен. Рядом, но немного в стороне стоял ещё один, в котором, подъехав ближе, удалось узнать старосту.

Лабберт остановил коня, к нему подбежал один из бойцов, а через мгновение подошёл и деревенский голова. Лейтенант гвардии поманил Петра рукой, и тот оставив поводья своего жеребца сержанту приблизился и прислушался к разговору.

Мессе прошёл вдоль стоящих под охраной бандитов и поинтересовался, оказывали ли они сопротивление. Сержант, указав на Ленза с перевязанным плечом, ответил, что один

схватился за арбалет, а остальные оказались умнее. Или глупее, мысленно не согласился Пётр. Судя по лицу Лабберта, на долгое разбирательство тот не настроен, времени нет.

– Они убивали? – обратился лейтенант к старосте.

– Не знаю, не могу сказать. Наши все возвращались, без товара и денег, но возвращались, – староста, похоже, не хотел послужить причиной казни, или старался быть честным.

Разбойники загомонили, что они всех отпускали. Только пугали, но они не убийцы. Да грабили, но душегубства не допускали.

Пётр подумал, что похоже его новый знакомый должен быть достаточно известен, раз при нём пытаются оправдаться. Это разительно отличалось от того, что он читал в учебниках про дворянские суды, или это только лейтенант не похож на других. Он вспомнил брезгливый взгляд барона, обращённый на него. Да и потом, ночью, Дачса аристократ убил не раздумывая, хотя и содержатель постоянного двора был не безгрешен.

– Ваше высокоблагородие, готовить кнут? – сержант обращался к Мессе, но тот вдруг прикипел взглядом к одному из разбойников.

Лабберт быстро шагнул вперёд вытянул руку и ухватив разбойника за плечо развернул. На спине куртки было застиранное пятно крови.

– Не убивал, говоришь? – почти прошипел гвардеец.

Разбойник упал на колени и завыл. Остальные подались

от него как от чумного, как будто и не одна шайка.

– Осенью, зимой грабили кого из крестьян? – Лабберт смотрел на старосту в упор.

– Бывало, – староста под взглядом Мессе как-то сжался, и вдруг добавил, – у Готлиба Кривого и у Рупрехта ещё дети зимой померли.

– Повесить, всех, – бросил порученцу Лабберт, – и поскорее, мы торопимся.

Сержант свистом и взмахом руки подозвал ещё солдат, и те деловито начали перебрасывать через ветки ближайших деревьев верёвки и готовить петли. Мессе несколько минут последив за суетой, развернулся и двинулся к лошадям.

– Когда закончите, догоняйте, – скомандовал лейтенант, не глядя назад, сержант кивнул и побежал к одной из групп, где разбойник попытался вырваться.

– Лабберт, – Пётр, ускорив шаг, догнал того, когда староста что-то выслушав, несколько раз поклонился и побежал к своей лошадке, – Лабберт, могу я поинтересоваться?

Королевский гвардеец замедлил шаг и обернулся.

– Это не имеет отношения к Вам, Петер. Хотя, сержант сказал мне, что разбойники признались, что вчера ограбили какого-то приказчика, раздели, а за ним пошёл сын Дачса. Есть королевский указ, и я следовал ему.

– Я так понял, если бы доказательств, что они убивали не нашлось, их бы только пороли...

– Не совсем, староста ждал, что после порки их отдадут

ему, продать в порту на галеры, или ещё как-то возместить убытки ограбленных...

– Занятно, но я не об этом. Насколько я могу судить, одной из причин Вашего более пристального внимания, было то, что кавалерро, которого повстречал староста, приехал не с юга, как говорил я. Ведь так?

– Да, кавалерро приехал из Энзейских баронств, или Сильзеррии, дорога из Курана, это на юге, идёт прямо на столицу. И, кроме того, гарда Вашего оружия, такие характерны на западе, – Лабберт ухмыльнулся, – Вам когда-нибудь придётся удовлетворить моё любопытство и рассказать, как ничего не зная о том, откуда и куда идёте, Вы оказались здесь.

Марш продолжился. Хотя как марш. Пётр никогда не был кавалеристом, но армейский порядок, это то, что прививается в армии, даже если ты обычный кабинетный червь. Пусть по минимуму. Неважно, строевой ты или нет. Всё равно, понимание того, что некая система должна быть, получаешь навсегда. Здесь, похоже о самом понятии «порядок» слышали не все. Только сержанты, скакавшие впереди и следом за лейтенантом, да ещё один всадник, двигались хоть как-то соразмеряя своё движение друг с другом. Он предположил, что тот тоже гвардеец, его латы были попроще, но напоминали броню Лабберта. Остальные перемещались даже не толпой, а просто в одном направлении.

Кто-то иногда останавливался, и некоторое время пешком, с конём в поводу двигался за «отрядом», постепенно

отставая. Другие же, наоборот, нагоняли.

Пётр поинтересовался у Мессе, что происходит, и тот объяснил, что не все лошади одинаково хороши, а некоторые просто перегрузили свою. Но ничего страшного, здесь и сейчас должно быть спокойно. При наличии опасности,десятники бы следили, чтобы их подразделения двигались более или менее ровно. А скорость отряда упала бы, приноравливаясь к тем, у кого лошади слабее. Но к вечернему биваку все постепенно соберутся, даже те, кто отстал.

Хайберу хотелось ещё поинтересоваться, какова длина дневного перехода, но разговаривать было не слишком удобно. Несмотря на проявившееся внезапно умение обращаться с лошадьми, наездник из него был почти никакой. Мысленно, он всё равно пока не привык и для того, чтобы держаться рядом с Лаббертом, требовалось сосредотачиваться на том, что делает. А вести непринуждённую беседу в таких условиях сложно. И, кроме того, он был уверен, что постепенно всё выяснится, а пока это и не слишком нужно.

На ночь они остановились на той стоянке, где вчера проводилась ревизия. Прикинув в уме, Пётр решил, что пройденное им отсюда до постоянного двора расстояние не превышало двадцати километров, может даже и меньше.

По словам Лабберта, завтра они доберутся до города за час, максимум за два, если совсем не будут торопиться. То есть дневной переход, судя по всему, был обычным для сред-

невековых армий, порядка двадцати пяти километров.

Первое время после их прибытия, они возможности поговорить не представлялось. Отдав коня сержанту, и предложив Петру сделать так же, Мессе отослал куда-то ещё двоих порученцев и гвардейца.

Для лейтенанта гвардии разбили палатку, и даже поставили складной стол и несколько стульев. Пётр подумал, что сейчас самое время более подробно поговорить об экспедиционном корпусе и будущей обороне, но Лабберт извинился и предложил подождать. Сейчас подойдут командиры, чтобы сообщить о прошедшем дне, и... в общем кавалерро Элайену ненадолго лучше отойти в сторонку. Он, Мессе пока не готов представлять его как человека, имеющего право принимать участие, или даже находится на совещании. Личный интерес, и даже определённая симпатия не должны вмешиваться в служебные дела, он должен понимать. И ещё не стоит бродить по стоянке, мало ли что.

Пожалуй, пришло ему в голову, пока Лабберт занят, можно понаблюдать за лагерем. Ходить по нему не рекомендовано, но взглянуть-то никто не запрещал. Впрочем, смотреть было не на что. Лагерем это можно было назвать только с филологической точки зрения. Даже биваком. Табор, пожалуй, такое определение будет ближе. Эта мысль посетила, когда в стороне завизжала какая-то тётка. Нет, она вроде весело верещала, ей, похоже, нравилось, что её, одетую в светлые разрозненные тряпки гоняют между кострами. А ещё с той сто-

роны потянуло спиртным. Народу, именно народу, а не солдат, на стоянке было много. Кто-то шатался от костра к костру. А где-то завязывались драки. Вокруг палатки Лабберта расположились подразделения, где вели себя поспокойнее. Но сколько Хайбер не присматривался, никакой охраны ему заметить не удалось.

Через какое-то время лейтенант позвал его к столу. Похоже, сержант, или следовал вкусам командира, или нанёс непоправимый урон запасам яиц на постоялом дворе. На осторожный вопрос Петра о кулинарных возможностях порученца применительно к другим блюдам, Мессе улыбнулся и, покачав головой, ответил, что не склонен к экспериментам. Если походы дальние, то... наверное, стоит взять с собой повара, но пока ему удавалось планировать свои поездки так, чтобы к вечеру оказаться в корчме или в гостях.

– Петер, это очень долго объяснять, но чем больше я размышляю, тем менее вероятным мне кажется нападение на Веммерсон. Понимаете, Сильзиру сейчас не до того. Одир третий – король этой страны, ещё зимой начал готовить поход в Куран. Он писал нашему королю и Вазилу Второму – королю Белорры, приглашал их участвовать в экспедиции. Более того, он договаривался с Вазилом, что тот в начале, или середине лета предоставит ему флот для переправки войск через море Хазард.

– Лабберт, простите, я не очень силён в отношениях между местными королевствами, впрочем, Вы могли это заме-

тить. Но там, где я жил, мне представилась возможность изучать историю и, назовём это политической предысторией военных конфликтов. И введение в заблуждение возможного противника...

– Петер, он призывал нашего короля к рыцарскому поступку... Хотя Вазилу он просто обещал денег за найм флота, – гвардеец на секунду прервался.

– Насколько я понимаю, Одир великий воин, который радует за других, и у него есть братья, готовые заменить его на троне... И, Лабберт, а сами Вы верите, в то, что короли могут руководствоваться рыцарскими порывами? – вряд ли здесь кто-то слышал про Ричарда Львиное сердце, но у Петра сохранились воспоминания о печальной судьбе великого воителя.

Мессе вместо того, чтобы сразу ответить, почему-то задумался. Поводил пальцем по столу, рисуя концентрические круги.

– Да нет, мы ему не слишком и поверили, но место концентрации войск, сообщённое Вазилу, было далеко от Родесской границы.

– Простите, кавалерро Мессе, а с Вазилом у Вашего короля, э-э-э, у Верена Первого, хорошие отношения?

– У них большая разница в возрасте, Вазил ровесник отца м... молодого короля, – лейтенант как-то запнулся, но какую характеристику он собирался дать собственному монарху осталось непонятным.

– Лабберт, давайте прямо, Вы что-то не желаете произносить, потому что не доверяете мне. Я хотел бы рассказать откровенно почему и как оказался на Вашем пути, но боюсь, пока это не прибавит убедительности моим словам. Мы можем рассуждать о стратегических вопросах долго, но у нас мало времени, в то время как на тактическом уровне я смогу доказать свою правоту гораздо быстрее.

Лейтенант королевской гвардии посмотрел на Петра то ли с жалостью, то ли с сожалением.

– Петер, я с замиранием сердца и восторгом в юности читал про великих стратегов прошлого и их тактические приёмы. Но потом побывал в современном бою. Может в древности были другие люди, но сейчас тактика – это... это... наверное, не сказки, но... А если Вы собираетесь воевать по книгам... – он с сомнением посмотрел на собеседника, – это не похоже на человека, который не поленился сложить часть вещей в дорожный мешок. В комнате не хватало только туфель, или стёртых сапог... лошади Дачса были тягловыми.

– Лабберт, я признателен Вам за оценку э... моих способностей... у Дачса, к сожалению, размер ноги не совпадал... Но, поверьте, я говорю о тактике совершенно с практической точки зрения, так сказать с бытовой. Вы сможете переговорить с купцами о ценах и караванах, а также о том, что они видели и чего не видели?

– Не выйдет, даже мне они не раскроют секреты о ценах. Это сведения, которые они клянутся не выдавать, иначе по-

теряют право торговать в свободных городах Энзейского союза, а в баронствах они доносят друг на друга, чтобы убрать конкурентов.

– Лабберт, Вы бы сравнили обувь? Не заставляйте меня думать о Вас хуже. Чем торгует Веммерсон? Как изменятся цены на рынке, если где-то, куда что-то можно отвезти, они поднимутся? Например, продовольствие. Насколько реже будут приходить суда и как изменятся ценники на рынке, если в других городах вырастет стоимость фрахта. И последнее, Вы сможете удержать своих солдат от грабежа? Возможно, а союз вольных ярлов нордлингов будет это делать? И возможно ли не услышать в порту, что пиратов стало больше чем обычно? Конечно, это косвенные сведения, но мы то знаем, что они могут подтвердить.

– Это... это неожиданно. Я думал, Вы покажете мне как прочитали зашифрованные письма кавалерро для убедительности. И добавьте больше подробностей. Признаться, я был впечатлён Вашими действиями на постоялом дворе. Мои сержанты и даже я, пожалуй, не смогли бы в Вашем положении действовать так удачно.

Петру очень не хотелось рассказывать Мессе о продажном члене городского совета и возможности прямо узнать то, что хочется. Ему всегда было спокойнее, если в колоде на чужом столе были карты, которые он мог использовать. Лейтенант ему нравился, он был почти «свой», или по крайней мере из «своих», но пока они не друзья.

– Лабберт, Вы сами делаете выводы по косвенным признакам и полагаетесь на них. Значит понимаете, что получение тайных писем по дороге и их содержание можно организовать, и оно менее убедительно, чем, например, изменение цен на рынке. Или задержки прихода купеческих караванов, их пропажа. Такое устроить гораздо сложнее, – Пётр старался говорить весомо и уверенно, хотя знал, что сложность примерно сопоставима.

Но тут же поправил себя, сопоставима в его мире, здесь ещё нет удалённых биржевых торгов и публикации ложных статистических данных. А ещё ему было непонятно, почему Лабберт, показавший на постоялом дворе способность рационально мыслить и делать выводы, так упирается сейчас.

Мессе же в это время демонстрировал все признаки усиленной умственной деятельности. Ну нет, «репу» он не чесал, всё-таки кавалерро, но глаза прищуривал, пальцем на столе концентрические круги рисовал, и даже пару раз попытался покачаться на стуле, отчего задние ножки немного погрузились в землю.

– Петер, то, что Вы говорите, заставило бы других дворян обвинить Вас в подозрительной склонности к низменным занятиям, которые не пристало так хорошо знать настоящему кавалерро, но... не мне, Лабберту Мессе, обвинять в таком... И то, что Вы говорите, если это подтвердится... какие-то факты ведь можно и организовать, а... Но, боюсь, мы убедимся в Веммерсоне, что Вы правы. А значит, я обязан в

свою очередь поделиться с Вами тем, что изменит Ваше намерение поучаствовать в защите города...

Петра настолько обрадовало, что лейтенант наконец понял и принял то, в чём он старается его убедить, что от облегчения он глотнул настоя, принесённого в кружках вместе с яичницей сержантом. С трудом сглотнув, он выплеснул остаток.

– Извините, лейтенант, но Вы были правы про кулинарные таланты Вашего порученца, может есть что-то другое?

– Я уже послал сержанта к маркитантам за вином, но, боюсь, то пойло, которое они обычно продают, недостойно... – Мессе ушёл, но тут же вернулся из палатки с бутылкой вина.

– Герцог Олберик Варнейский, канцлер позаимствовал это вино из дворцовых запасов, чтобы отпраздновать день, когда я окажусь в безопасности в Веммерсоне. Первую бутылку мы с ним выпили, когда ему удалось добиться у короля, чтобы меня отправили туда. Но теперь я встретил Вас, и мне кажется, что это гораздо лучший повод.

Внезапное изменение отношения Лабберта удивило Петра, к тому же в том, что он произнёс, была какая-то неправильность. Непонятная оговорка лейтенанта о себе самом не прошла незамеченной. Но до поры была отложена на потом.

– Я польщён кавалерро Мессе, но мне кажется, Вы преувеличиваете значение нашей встречи, да и отношение ко мне, но безопасность – гораздо лучший повод...

– Доверие и дружба кавалерро Элайн, конечно, не рож-

дается так сразу, но... давайте я лучше налью и объясню, — он плеснул в кружки, предварительно освободив свою от сержантского настоя, и продолжил, — дело в том, что в Веммерсоне сейчас нет гарнизона. Только милиция, человек двести, может триста. А значит единственной защитой будут отряды, которые прибудут со мной, а это тысяча сто человек. Соотношение один к пяти, даже в обороне, вряд ли может рассматриваться как безопасность города. Именно поэтому стоит выпить с Вами. За то, что оказался в безопасности могу и не успеть, — Лабберт говорил меланхолично, понемногу отпивая вино.

Пётр, осознав сказанное, машинально глотнул. Вино было великолепным, как и повод. А то, что он рвался оборонять Веммерсон, и настаивал на этом, не давая Мессе прояснить сложившееся положение до конца, придавала вину дополнительный оттенок. Вспомнив улыбку Герарда, ему только усилием воли удалось не заскрипеть зубами.

— Позвольте, Лабберт, но Вы можете...

— Петер, не говорите ничего, не нужно меня обижать. Я не могу. Я принёс присягу королю и буду защищать город до конца. Может и не долго, но до конца. Вы же, как только подтвердятся Ваши сведения, сможете уйти.

— Я хотел сказать, что Вы же послали письмо...

— Ах это..., нет, подкреплений не будет. Даже если бы я написал что-то убедительное, они просто не успеют прийти, давайте я Вам объясню.

В принципе, дальнейший разговор тоже был похож на диалог, но с учётом того, что в приличном обществе ругаться нельзя, а общество Мессе, как оказалось более чем приличное, партия Петра ограничилась перемежающимися со словами лейтенанта междометиями, заинтересованными, поощрительными или удивлёнными. А потому её легко можно опустить.

Начал Лабберт с предупреждения, что не поделится ничем секретным. Всё что он поведаёт собеседнику можно по большей части услышать, присев к солдатскому костру и задав нужные вопросы. Для начала придётся немного углубиться в историю, без которой просто не удастся понять почему он оказался здесь в компании Петра.

Сильзеррия – спорная провинция, на которую претендовали и Родесса, и Сильзир, была местом, где война велась на протяжении поколений. В результате оба королевства настолько ослабли, и получили такие внутренние проблемы, что в Родессе даже сменилась династия, а Сильзир не смог удержать часть земель на западе. Случились и другие, но пока они не важны.

Лабберт коротко сказал, что начало противостояния было связано с прекращением одной династии и предшествующими браками между представителями королевских семей. И у Петра сразу всплыли аналогии с Эльзасом и Лотарингией, или со «Столетней войной». С точки зрения поводов и последствий для правящих династий, наверное, это была ско-

рее «Столетняя война».

Провинция оказалась почти полностью разорена боевыми действиями, продолжал Мессе. На её территории скопилось такое количество солдат удачи, что нормальная жизнь в ней фактически прекратилась. Решая этот вопрос, старый король начал принимать на службу отряды наёмников, которые были менее замешаны в преступлениях и более управляемы, так чтобы за деньги королевства они уничтожали другие формирования – окончательно ставшие бандитскими. Постепенно количество наёмников должно было сократиться, а те, кто остался, пополнили бы ряды королевских войск.

Проект старого короля, смысл которого пояснял лейтенант, напомнил Петру «ордонансовые роты» во Франции, где всё-таки привёл к цели.

Завершив исторический экскурс Лабберт вернулся к сегодняшнему дню, но подбирал слова более осторожно и взвешенно.

Верен Первый, не готовился стать королём, слушал рыцарские баллады, охотился и учился владеть оружием, это Лабберт сказал пренебрежительно. К этой роли готовился Индур – старший брат Верена, но наследник погиб на охоте. А его гибель свела в могилу и старого монарха.

С приходом к власти младшего сына, королевство изменилось. Некоторые проекты, в частности, по словам Мессе, проект с наёмниками в Сильзеррии, были признаны не рыцарским делом, к тому же опустошающим казну, и от них

отказались.

Более того, Верен Первый впечатлённый исполненным благородства письмом короля Сильзира, Одира, решил уничтожить отряды наёмников в провинции во главе собранного им войска, в настоящей «рыцарской» войне.

За словом «отказались от проекта» стоял раскол в королевском совете, впрочем, Мессе выразился мягче, и назвал произошедшее разногласиями. Часть герцогов горячо поддержала отказ от проекта и будущий поход короля. Поддержка выразилась в одобрительных словах, ни войск, ни денег никто не предложил.

Ну да, ну, да снижение налогового бремени и ослабление королевской армии, о чём, естественно, прямо не упоминалось. Такое обязательно должно обрадовать тех, у кого границ с раздираемой войной провинцией не имелось, мгновенно пришло в голову Петру.

А Герцог Олбрехт Крессон, двоюродный брат умершего короля, был разочарован новой политикой настолько, что... Здесь Лабберт вдруг остановился, и ещё осторожнее сказал, что герцог был вынужден отбыть в Крессон, имевший самую протяжённую границу с Сильзеррией для защиты своих владений.

Осторожность Мессе имела, как выяснилось серьёзную причину. Герцог не только отозвал все свои отряды из армии короля, он зашёл ещё дальше, потребовав от королевских гвардейцев, выходцев из собственного герцогства, воз-

вращения домой, а точнее к его двору.

Если бы не кружка, из которой Пётр как раз отпивал вино, он бы присвистнул. Но как выяснилось дальше, это было ещё не всё. Правда с этого момента междометий потребовалось больше, иначе лейтенант пытался обойти острые углы, что, впрочем, не удивительно.

Как в конце концов признался Лабберт, его собственная история началась со «злой шутки» старого короля по отношению к двоюродному брату. Во время очередных разногласий, они часто не ладили, монарх нашёл одного из непризнанных бастардов герцога, выдал его мать за выслужившегося дворянина по фамилии Мессе, и дал усыновлённому мальчишке место в гвардии.

Пожалуй, шутка вышла так себе, подумалось Петру, хотя... И гвардеец подтвердил, что его происхождение от герцога было подтверждено королём. Тот прилюдно называл его племянник, а будучи навеселе, как-то раз, на королевском совете заявил, что с Мессе будет договориться проще, чем с неговорчивым Крессоном.

Вот собственно те причины, по которым он здесь. Естественно, поехать в Крессон ему даже в голову не приходило. Желания встречаться с родным отцом не имелось. А кроме того, как уже упоминалось, присяга для него не пустой звук, даже если он не согласен с действиями монарха. Но и оставаться при дворе, после всего, что произошло, стало просто-напросто небезопасно. Молодого короля он раздра-

жал тем, что из Крессона, остальных – тем, что вообще есть такой Лабберт Мессе.

На помощь пришёл канцлер, убедивший Верена, что часть наёмников может попытаться сбежать от карающей руки истинного рыцаря. А оставшийся без защиты Веммерсон, гарнизон которого был отозван в готовящуюся к походу армию, лакомая цель для разбойников, или пиратов.

Молодой правитель был рад сплавить проблему в лице лейтенанта гвардии и ещё нескольких гвардейцев – крессонцев из столицы под благовидным предлогом. А с ними и несколько отрядов наёмников, нанятых старым королём.

Немного окосевший Лабберт, сержант всё-таки принёс вино от маркитантов, проговорился в конце. Герцог Олберик Варнейский получил перед этим сообщение из Веммерсона о том, что на город возможно нападение. Только не сильзирцев, а наёмников. И указывались в сообщении гораздо меньшие силы, для отражения которых войск было бы достаточно.

Пётр, дослушав рассказ лейтенанта, ещё раз глотнул той кислятины, которую принёс порученец. Скривился и подумал, что Лабберту удалось достичь цели, совершенно обратной той, которую он ставил. Во-первых, они по-разному понимали действия старого и нового короля Родессы. Там, где Лабберт обижался и с горечью упоминал королевскую волю и «шутки», Пётр видел политику.

К финалу беседы оба были уже навеселе и Хайбер едва

удержался в какой-то момент, чтобы не похлопать герцога по крови по плечу, и не сказать со всей снисходительностью имперского в прошлом полковника – «щегол ты ещё, лейтенант».

Поначалу, все династические проблемы, как и война в провинции, оставили его равнодушным, а потом он увидел замысел собирателя. И не важно зачем, главное в том, что результат принёс бы мир в Сильзеррию, а заодно обеспечил устойчивость страны. А с другой стороны только красивые «рыцарские» речи и порывы, которые развоят Родессу быстрее любого агрессора.

– Позвольте поинтересоваться, кавалерро Мессе, а чем Вы занимались в королевской гвардии? Охраной, или... – вообще-то ответ ему был почти не нужен, к концу разговора, фактически выброшенный за ненадобностью, лейтенант и так был признан своим, а его решение ехать в Веммерсон получило нужную оценку.

– Да нет, охрана это не для Мессе, поручения канцлера и короля, происшествия во дворце, а иногда в городе, – Лабберт осторожно подбирал слова.

– Спасибо за приятную беседу, кавалерро, – церемонно сказал Пётр, – пожалуй уже поздно, может сержант покажет, где я сегодня буду спать?

– Да. Конечно, Петер, – Лабберт поманил своего человека и отдал ему распоряжение, – Спокойной ночи.

Слушая затихающий вокруг гомон табора, прежде чем заснуть, Хайбер перебирал события двух последних дней. Пожалуй, хвалить себя рано. Он скорее следует за происходящим, чем влияет на него. Но до поры ему везёт. Встреча с Мессе оказалась куда удачнее, чем могло случиться. Ему понравился новый знакомый. А то, что он рассказал, однозначно определяет, на чьей стороне он будет воевать.

Но есть во всём происходящем нечто неправильное. Если Герарду удалось спланировать события, то выбор стороны, о котором он сказал напоследок фикция. Предугадать реакцию Петра не слишком сложно. А значит где-то должен быть подвох. И плохо верится, что всё дело только в недостатке сил у защитников Веммерсона.

Впрочем, возможно, он слишком усложняет. Нужно ждать, а пока стоит отдохнуть, завтра будет новый день. Начать действительно стоит с мелочей. Требуется увидеть город, позиции перед ним, их «инженерное обеспечение», он даже улыбнулся, подумав об этом. Если противник выглядит так же, как «войска» Мессе, всё очень плохо, но партия совсем не закончена.

Перед тем как заснуть Петру ещё раз вспомнился разговор с Герардом, ещё тот, первый, где прозвучало слово «переиграть».

Утром на удивление Петр чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Его даже не слишком раздражали неторопливые

сборы «войска», хотя время утекает, могли бы поторопиться.

– Петер, Вы не хотите размяться? Я отдал все распоряжения и ускорить начало движения не в силах. Думаю, у нас есть полчаса времени.

– Что Вы имеете в виду?

– Меня удивил Ваш удар на постоялом дворе, это необычная техника, – Лабберт показал рукой на палаш.

– Давайте попробуем, – Пётр пожал плечами.

Через пару минут они стояли друг против друга на небольшом пятачке, по углам которого встали сержанты.

Сначала гвардеец встал в прямую «испанскую» стойку взяв кинжал во вторую руку, но заметив, что противник не собирается использовать свой, убрал его обратно в ножны. Пётр принял привычную «французскую».

Лабберт не атаковал совсем. Было впечатление, что он пытается понять, «прочитать» действия партнёра. Минут через пять они разошлись в первый раз, Хайберу так и не удалось ни разу приблизиться к возможности поразить противника. Мимолётное удивление вызвало то, что не чувствует усталости. Так он дрался много лет назад.

– У Вас очень интересная и необычная школа, Петер, я не встречал такой ни разу, но Вы сильно ослабляете свой стиль, не пользуясь рубящими ударами. Нужно обратить на них особое внимание. А ещё складывается впечатление, что серьёзно занимались очень давно, потом бросили, а сейчас как будто вспоминаете... Это очень странно, по ощущениям

Вы должны были начать заниматься ещё совсем ребёнком, но на вид слишком молоды, чтобы брать такой перерыв.

– Лабберт, Вы очень хорошо дерётесь, но я не понимаю, отчего так уверенно судите о моих навыках и...

– Петер, я не люблю этим бравировать. Это – одна из причин, по которой я решил, что Вы нездешний. В королевстве найдутся единицы дворян, которые осмелятся продолжать держать руку на оружии при встрече с Мясником Мессе. Бастарду в гвардии непросто, а я не сразу научился драться так, чтобы не убивать противников случайно. Давайте продолжим.

Следующие несколько минут Хайбер держался изо всех сил, но даже иллюзорное преимущество в движении помогало слабо. Лабберт явно играл, зачастую, обеспечив себе возможность удара, он просто отступал.

– Вы неплохо держитесь Петер, но пора заканчивать, я отмечал необходимость рубящих ударов. Ведь так.

Гвардеец двинулся вперёд. Худощавый и вроде бы не слишком мускулистый он был стремителен и резок. Если бы рукоять оружия Петра не имела выступов, палаш вылетел бы из руки от первого соприкосновения клинков. Ещё один и ещё, на пятом или шестом парировании пальцы одеревенели и он, сделав шаг назад, взялся за клинок левой, просто чтобы не уронить его. Он ни разу не успел принять атаки соперника вскользь.

– Не уверен, что у нас будет много времени, но я покажу

Вам кое-что. В свою очередь надеюсь на помощь в более глубоком понимании Вашего стиля, он мне понравился. Спасибо, – Мессе поклонился.

Через пару минут сержанты подвели коней, и они с Лаббертом двинулись к Веммерсону. По дороге у него в голове раз за разом прокручивалось в голове замечание лейтенанта про молодость. Сначала разбор его действий во время первых пяти минут тренировочной схватки немного сбил с толку, а сейчас он увязал это с тем, что стал меньше уставать. Интересно, а что я увижу в зеркале, подумалось ему.

Глава 4. ВЕММЕРСОН. МОЖНО ЛИ ОБМАНУТЬ ОТСУТСТВУЮЩИЕ ОЖИДАНИЯ?

Лес отряд миновал чуть больше, чем за час. Мимо тянулись поля, иногда небольшие хутора на некотором удалении от дороги, перекрёстки, даже похожий, на таком расстоянии на игрушечный, замок на самом горизонте. «Колонна» не останавливалась, а вертеть головой для Петра, означало реальную возможность насмешить окружающих. На лошади он держался всё ещё средне. До естественной свободной посадки Лабберта, или, несколько раз мелькавшего рядом, гвардейца, ему было очень далеко.

В какой-то момент впереди на горизонте начали подниматься городские строения. Издалека всё выглядело, не сказать, чтобы очень впечатляюще. Башен было откровенно мало. Или стена недостаточно длинная с той стороны, откуда они подъезжают, или Веммерсон так себе городишко, одно название.

Лабберт на прямой вопрос ответил, что город крупный, больше тридцати тысяч жителей. А об укреплениях как-то

замаялся. Помолчал и махнув рукой, выдавил, что Петер всё увидит своими глазами, до места уже недалеко.

По дороге они догнали и обогнали отряд арбалетчиков, растянувшийся почти на километр. При этом конные, скакавшие до этого с Мессе, остались сзади. Лейтенант и его штаб двинулись в обход впереди идущих только вшестером.

После привала манёвр удивления не вызвал. Телеги были во всех частях воинства Лабберта. А бойцам остальных отрядов солдаты доверяли не очень сильно. Без серьёзной необходимости отрываться от собственного обоза никто не желал.

Когда они подъезжали к воротам, Мессе сказал, что пешие двигались отдельно, по более короткой дороге. Он с конными, имея преимущество в скорости, решил проверить границу с Сильзеррией. Правда Петру пришло в голову, что, скорее, Лабберт был не слишком уверен, по каким-то причинам, в местной верхушке, и хотел появиться в городе во главе основных сил. А ещё припомнил упоминание Мессе о доносе. Тот, правда корректно назвал его сообщением канцлеру. И пришёл к выводу, что в нём обязательно было что-то, что усилило опасения лейтенанта. Ну, если один член городского совета берёт денег у чужого короля, то почему бы ещё кому-нибудь не поступать так же? Впрочем, там могла быть и деза. Частично-то она цели достигла.

Но это всё дело недалёкого, но будущего. Знакомство с продажной городской верхушкой расставит всё на свои ме-

ста. Времени у Лабберта немного, а информатор должен иметь активную позицию, его тоже поджимают сроки, а значит... На этом размышления о завтрашнем дне закончились, Пётр увидел «фортификационные сооружения», и на всякий случай проверил голову жеребца между ушами, не зашибить бы транспортное средство отпавшей челюстью.

– Кавалерро Мессе, Лабберт! Давайте осмотримся.

– Бросьте Петер, часа через два – три устроим инспекцию, тогда и познакомимся... изнутри, так сказать, в полной красе, – голос лейтенанта был равнодушным, похоже его увиденное не удивило, и не впечатлило.

Сразу миновать ворота не получилось. Хвост отряда пехоты, вооружённой копьями, ещё не полностью втянулся в город, и требовалось дожидаться, когда проход освободится. А потому кое-что Пётр всё-таки увидел. Стену, высотой примерно метра четыре, с площадками для лучников и арбалетчиков, накрытыми деревянным навесом. Ров сухой, правда с остатками кольев, вбитых частью во внутренний откос, а частью в дно. Даже башни были, две воротных. Эти хотя бы выступали за внешний край куртины, обеспечивая обстрел находящихся в мёртвой зоне. И ещё две, которые, видимо, замыкали так называемое оборонительное сооружение. Весь этот «инженерный комплекс» имел длину порядка метров восьмисот. Дополнительных валов или фортов не было. Да и неоткуда им было взяться, ворота на этой части крепостной стены были единственные.

Ну, хотя бы выше, чем парижская времён столетней войны и реки нет, утешил себя Пётр. Впрочем, Париж до строительства стены Карла V, брали столько раз, что утешение было не слишком серьёзным. Хотя его и потом тоже достаточно успешно штурмовали, повеселел он. А значит не в размерах и качестве укреплений счастье. В его планах, которые уже почти сложились, существующие внешние оборонительные постройки занимали не самое важное место.

На удивление, оказавшись в Веммерсоне лейтенант гвардии вместо того, чтобы сразу начать со знакомства с городскими властями, предложил сначала позавтракать. Свой «штаб» он после короткой раздачи указаний оставил почти в полном составе на площади. Его с Петром сопровождали только два сержанта.

– Покормит ли нас бургомистр неизвестно, потом будут совещания, инспекция, а про обед забудут. Рассчитывать же на то, что вечером для нас устроят ужин после... того, что случится днём не стоит. Стоит позавтракать, да, Петер?

Судя по тону, Мессе всё решил. И хотя для завтрака было, пожалуй, поздновато, а для обеда ещё рано, мнение собеседника о том, в каком порядке действовать, прибывшего в город временного губернатора не интересовало, и отказ не подразумевался.

До корчмы они добрались по одной из широких, действительно широких для средневекового города улиц. Факт сколь

удививший, столь и обрадовавший Петра. Проулки, пересекавшие почти проспект, по которому они двигались, и уходившие вбок были абсолютно средневековыми. В часть из них даже въехать на коне, если по ней идут люди, было бы сложно. А ещё, подняв голову, он обратил внимание, что вторые этажи на этих узких проходах и проездах, действительно, часто выступают над первыми. Местами, протянув руку из одного окна, был шанс поздороваться с соседом на противоположной стороне. Остановившись у корчмы, которую Лабберт, видимо, выбрал заранее, они устроились в комнатах. После чего устроились в кабинете, фактически выгородке из общего зала.

Петру, в принципе, была непонятна, и сама задержка с визитом к городской верхушке, и эта затея с завтраком. Расположившись за столом, он предложил обсудить будущие планы обороны, но наткнулся на отсутствующий взгляд Мессе и замечание, что они пока не убедились в правоте утверждений кавалерро Элайена. Мол, с учётом этого и любые замыслы преждевременны. Если только в самых общих чертах, но они и так очевидны.

Какое-то время он думал, что Лабберт поделится с ним тем, что сообщил ему канцлер, но и об этом Мессе предпочитал пока молчать. Постепенно разговор скатился исключительно к обсуждению достоинств местного повара.

Петру казалось, что они теряют время. Подходя к организации военных действий с современных ему позиций, он

никак не мог понять, почему «военная машина» городка не завертелась с повышенной быстротой с момента их приезда, чего они дожидаются, почему решительно не берутся за дело.

Всё прояснилось примерно через час. К Мессе подошёл один из оставленных у ворот города сержантов, и тот моментально потерял интерес к разговорам о еде.

– Поднимайтесь, Петер, нас ждут. Бросьте, не ешьте второпях. Хозяин позаботится, чтобы лучшее дождалось нас до вечера, а может и приготовит что-нибудь поинтереснее. И... давайте договоримся, чтобы не объяснять всем, кто Вы и зачем меня сопровождаете. Ну, например, побудете наблюдателем, от канцлера, герцога Олберика. Это позволит Вам уехать, если передумаете. А пока придаст немного веса и кавалерро Элайену, и... Да, этот вариант удобен для всех.

До магистрата они добрались пешком. Как выяснилось, до него от постоялого двора рукой подать. На небольшой площади, где широкая улица изгибалась, оставляя свободное пространство перед фасадом, немного в глубине от общего ряда домов расположилось солидное трёхэтажное здание.

Перед крыльцом в большем или меньшем порядке расположились четыре «квадрата» вооружённых солдат и офицеров, три поменьше человек по тридцать с одной стороны от входа, и один побольше, человек пятьдесят и в более ярких доспехах, с другой. У входа на ступенях стояла группа разо-

детых то ли чиновников, то ли купцов, к которым и направился Мессе. Гражданские, похоже, о чём-то спорили с гвардейцем. В споре участвовал ещё один военный в блестящих латах.

Лейтенант, приближаясь к спорщикам, расплылся в приветливой и дружелюбной улыбке и в руках у него возник свёрнутый в трубку свиток, с которого свисала большая сургучная печать.

– Бургомистр Фрелих, как я рад, что Вы вышли встретить меня, – Мессе коротко поклонился.

Дородный человек в расшитом серебром камзоле повернулся, на минуту оторвавшись от спора и смерил лейтенанта королевских гвардейцев недоумённым взглядом. Похоже он что-то собирался возразить, но не успел.

– Позвольте представиться. Кавалерро Лабберт Мессе, лейтенант королевских гвардейцев. А с этой минуты губернатор Веммерсона, Вам должны были вручить письмо канцлера, и вот королевский указ, – он вытянул вперёд руку со свитком.

В этот момент трое сержантов в сопровождении ещё троих вояк, не рядовых, судя по экипировке и доспехам, подошли к ним сзади. И почти одновременно рядом с крыльцом осадил коня юноша лет двадцати, тоже в начищенных латах и, едва спешившись, подбежал к группе.

– Они... – начал, он решительно.

– Какие brave молодые люди служат у Вас в городской

страже, – перебил его Мессе, обращаясь к губернатору, – но я надеюсь, молодой человек даст мне договорить, – с нажимом закончил он.

Один из гражданских схватил, вскинувшего голову, юношу в латах за руку, – «помолчи, Рикерт, всё потом».

– Думаю, могу предвосхитить то, что хотел сообщить молодой человек. Да, мои люди усиливают сейчас караулы городской стражи на всех воротах Веммерсона, что абсолютно естественно так как городу грозит нападение. И, мне кажется, что нам лучше пройти к Вам бургомистр и побеседовать обо всём не на улице, а в кабинете.

Гражданские переглянулись и посмотрели на обладателя блестящих лат.

– А Вы... – Мессе посмотрел на шлем ослепляющего своей внешностью, представительного вояки.

– Кавалерро Алоис Фертьер – командир городской милиции, – попытался вытянуться и принять бравый вид под взглядом Лабберта главный защитник города, до сегодняшнего дня главный.

– Да, да, кавалерро, согласуйте с командирами отрядов порядок совместного несения службы, и распустите по домам... хотя нет, когда мы закончим разговор с бургомистром, Вы познакомьте меня со своими людьми, теми, что здесь. Договорились? Ещё, пошлите за инженерами, обслуживающими городские укрепления и метательные машины, и оружейниками, – повернулся к гражданским и махнул ру-

кой, – пойдёмте, бургомистр, кавалерро Петер.

Поднимаясь в кабинет Горста Фрелиха за уверенно шагающим Лаббертом, Пётр мысленно аплодировал новому губернатору. Конечно, обязательно стоит поинтересоваться вечером, каковы были причины таких действий, но власть в городе была захвачена блестяще.

Тем не менее Мессе воздержался от обязательных приказов. Не потребовал срочно собрать всех остальных представителей гражданских властей и чиновников магистрата, чтобы формально вступить в должность. Более того, пройдя в кабинет главы самоуправления предложил тому занять кресло за собственным столом, а сам расположился напротив.

Они почему-то оказались в кабинете вчетвером, и Петру наконец удалось увидеть воочию Арндта Нойеадера и даже познакомиться с ним. В первые минуты его присутствие в кабинете вызвало недоумение, но вскоре разъяснилось. Бургомистр, представив Арндта сразу же пояснил, что в городском совете существует две основных фракции, и тот является представителем второй, сам же он выражал мнение более многочисленной, а значит, первой.

По словам бургомистра, поддержанным молчаливыми кивками его визави, деление было не политическое, а скорее связанное с основными направлениями торговых связей купцов – наиболее состоятельных членов фракций. Идея была запутанная, и Петру пришлось оставить её прояснение на будущее. Якобы вдвоём, если они договаривались, присут-

ствующие здесь выражали мнение всех купцов, большинства торговцев и ремесленников города. А значит собрание совета, и то не всегда, требовалось только в случае существенных разногласий между этими ними.

Это было не очень понятно, но устроило Мессе, возможно он знал больше, и потому просто кивнул, согласившись с присутствием Нойеадера. Коротко и расплывчато сказал о возможности нападения, необходимости готовить оборону, решении канцлера, поддержанного королём, и передал наконец бургомистру в руки указ.

А после сразу перешёл к вопросам, связанным с участием гражданских властей в предстоящей обороне города. И опять Петру оставалось только мысленно поаплодировать, настолько естественно прозвучали вопросы, которые он озвучивал вчера. Об учёте продовольствия, составе пришедших и готовящихся к отплытию кораблей, и караванов, количества прибывших в город, или отправившихся недавно в плавание моряков. Возможности приобрести или конфисковать некоторые товары, в составе которых были канаты, материалы для ремонта кораблей, и кое-что другое. Сразу же последовало объяснение такой заинтересованности, например, лес и доски понадобятся при ремонте укреплений, вар и смола требуются для подготовки к осаде, и так далее.

Для человека, который недавно понятия не имел о косвенных признаках подготовки десанта, Лабберт мотивировал получение информации великолепно. Впрочем, состав

товаров они обсуждали достаточно подробно, так что ключевые позиции, а именно их затронул Мессе можно было и запомнить.

И бургомистр Фрелих и Нойеадер не сумели сразу ответить на заданные вопросы. Горст призвал колокольчиком своего старшего приказчика, сидевшего в соседней комнате, и начал совещаться с ним, а второй предводитель купечества предложил вызвать таможенного чиновника и запросить капитана порта. Конечно, такие отчёты можно сделать, считали они, но это потребует усилий. Упомянутые товары не их профиль, а значит и обсуждать их без подготовки сложно.

Тем не менее кое-что выяснилось практически сразу. Хотя пока в Веммерсоне нет проблем с продовольствием, но это дело времени. Цены на рынке растут, так как оптовые торговцы готовят большой караван. Откуда это известно? Просто... Арндт Нойеадер замялся, но ответил, что деньги на закупку занимали у него. Часть приготовленного уже должны были отправить, но в городе не хватает кораблей. То ли опаздывают, то ли пропали конвои, ожидавшиеся в последние месяцы, многочисленные и приходившие в другие годы вовремя. Но это лучше уточнить в порту. Ходят какие-то слухи, которые распускают несколько капитанов о пиратах. Но не всем этим морякам стоит верить.

А ещё поднялись цены на некоторые товары с запада и из Энзейских баронств. Но это скорее всего временно, просто задерживаются поставки оттуда, успокоил бургомистр.

Что касается ремонта кораблей, до докладов чиновников ничего определённого сказать невозможно, такое лучше узнавать у портовых служб.

На этом чуть помрачневший Мессе решил пока закончить. Заверив купцов, что полностью полагается на них и уверен, что они могут сделать всё необходимое для решения обозначенных им задач, лейтенант извинился. Ему необходимо заняться чисто военными проблемами, которые вряд ли интересны гражданским властям. Впрочем, добавил он, если они смогут повлиять на ремесленников, и убедить тех в необходимости сотрудничества с ним и его людьми, их содействие будет полезным. А ещё стоит предупредить капитана порта, нет – нет о закрытии совсем, речь пока не идёт, но подготовиться и обсудить такую возможность стоит.

Они спустились обратно на площадь втроём. Арндт Нойеадер наконец улыбнулся и заметил, что, если они будут вместе, оружейники будут сговорчивее. А в порт пусть отправится правая рука бургомистра.

С Алоисом Фертьером и его милиционерами разобрались достаточно быстро. Нойеадеру достаточно было повести бровью, и тот согласился со всеми предложениями по совместному патрулированию.

Правда ни в чём другом командир городской милиции сотрудничать не желал. У него слаженный отряд, отличныедесятники и сотники, он кивнул на молодого человека, который раньше пытался доложить о действиях солдат Лабберта.

Вот, например, Рикерт Нойеадер – великолепный боец и командир. Ставьте нам конкретную задачу, и мы её выполним. Городским стражникам не требуется помощь чужих бойцов, или указка сторонних офицеров. И Мессе сразу сдал назад. Только вежливо сказал, что хотел бы посмотреть на тренировки. Ну, вот, к примеру, подразделения младшего Нойеадера.

Рикерт же, на которого строго взглянул отец, ответил, что будет рад услышать оценку профессионализма его подчинённых из уст лейтенанта королевской гвардии. Но, когда и где, никто не озвучил. Политика.

Немногим дольше продлился разговор с оружейниками. В первые секунды глава цеха засверкал глазами и ринулся возражать, а то и отказать Мессе. Ведь тот обратился за помощью к мастерам цеха по сниженным ценам, а лучше бесплатно отремонтировать доспехи и оружие отрядов, прибывших для защиты города. Но под взглядом Арндта Нойеадера утих и буркнул, что нужно посмотреть, о чём идёт речь. Пусть командиры договариваются с мастерами в квартале, а оплату обсудим позже, после осмотра. А затем что-то побурчав про себя, выдавил, что готов не откладывая поглядеть на самострелы, которыми вооружены арбалетчики.

Петру тоже было интересно познакомиться с местным оружием, и оставив Лабберта обсуждать с каким-то мужиком срочное увеличение запаса стрел, он двинулся следом за

мастером. Тот ворчливо крутил в руках арбалеты, которые ему подавали. Насколько удалось понять, сейчас он не смотрел на поломки и недостатки, хотя пару раз и брюзжал, что исключительно безрукие остолопы так обращаются со снаряжением. Оно требует заботы и ухода. На месте мастер присматривался только к типам используемых устройств, дуг, замков и так далее. Где-то проворчал, что это не к нему, либо покупать новые пластины, или с кузнецами договариваться, может они что-то там сумеют поправить.

Пётр наблюдал за осмотром с интересом. Глубоких знаний об арбалетах у него не было, но они являлись более или менее дальнобойным вооружением, и у него возникло желание получить такое. Обычная прихоть любого мужчины – увидел опасную игрушку, следует присмотреться, а приспишит, так и приобрести, вдруг пригодится. Но подавляющая часть представленных «средств дистанционного поражения» его не устраивала. Без прикладов в современном ему понимании. Львиная доля с верхним зацепом под простое нажатие пальцем сверху. Только несколько были с орехом, да и на те фыркал мастер, мол, орех этот надо бы править, а то неминуемы срывы.

Параллельно с процедурой осмотра Петра заинтересовал сам глава цеха оружейников. При взгляде на него приходили на ум эпитеты «основательный», «крязистый», «солидный», но не проявлялось никаких характерных черт. Например, никак не удавалось рассмотреть манжеты сюртука, но

при этом возникало впечатление, что руки мозолистые. Даже цвет одежды проявлялся, только при пристальном взгляде. Но рассматривать в упор стало неудобно, мастер, заметив устремлённое на него внимание, решил, что дворянин оценивает качество спускового механизма образца, который он держал в руках в этот момент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.